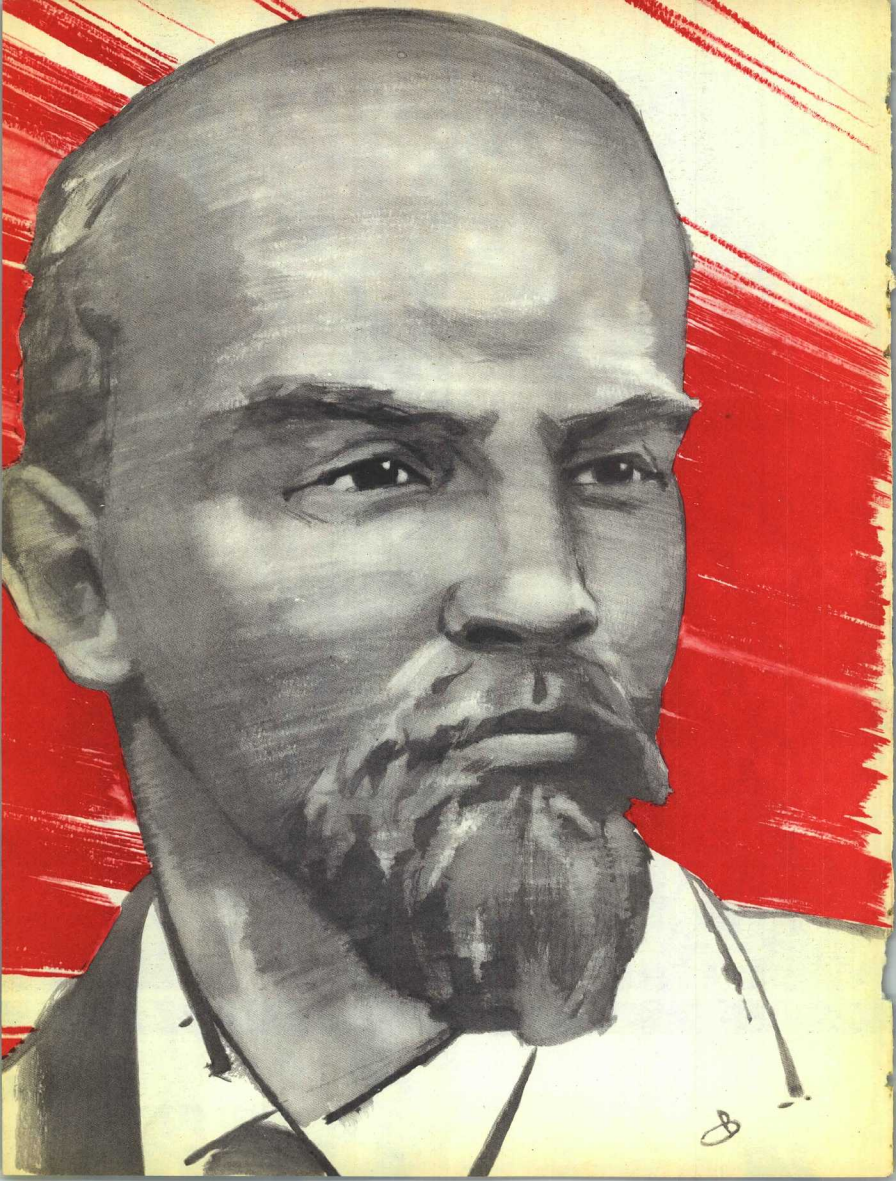

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

14 1963

СМЕНА

С ЛЕНИНЫМ, С ПАРТИЕЙ ВСЕГДА И ВО ВСЕМ!

В истории человечества бывают события, значение которых современникам трудно оценить в полной мере. Проходят годы, иногда десятилетия, прежде чем мир начинает понимать всю непреходящую историческую важность случившегося.

Именно таким историческим событием стал II съезд Российской социал-демократической рабочей партии, который работал в Брюсселе летом 1903 года. На этом съезде родилась партия принципиально нового типа, марксистская революционная партия. На этом съезде впервые прозвучало новое, до того неизвестное слово «большевик». Создателем и руководителем этой первой подлинно революционной пролетарской партии, первым большевиком был Владимир Ильич Ленин.

С именем Ленина неразрывно связана вся героическая история великой партии коммунистов, история первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

Для советской молодежи нет понятия ближе и роднее, чем Ленин и партия. Ленинская теория социалистической революции, стратегия и тактика ленинской партии — вот та основа, на которой росло и развивалось пролетарское юношеское движение. Еще до Великого Октября партия внимательно следила за развитием социалистического движения молодежи, боролась за партийность юношеских организаций. Недаром VI съезд РСДРП(б), нацеливший партию на вооруженное восстание, принял по предложению Ленина специальную резолюцию «О союзах молодежи», в которой говорилось, что «съезд считает содействие (созданию) классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и меняет партийным организациям в обязанность уделять работе этой возможной максимум внимания».

В октябрьские дни 1917 года молодые рабочие, следуя за своими старшими товарищами, вместе с ними шли на штурм старого мира. Социалистическая революция стала для молодежи одновременно и экзаменом и школой. Школой, где она училась у коммунистов бороться и побе-

ждать, экзаменом на политическую зрелость, который держала юность пролетариата.

И этот экзамен, первый из многих, молодость выдержала с честью. Она показала себя достойной старшего поколения борцов за народное дело. Именно поэтому партия горячо приветствовала созыв первого съезда юных.

Так в самое тяжелое для молодого пролетарского государства время, боевой осенью 1918 года, выпестованный Лениным, партией, родился комсомол.

Почетным председателем своего первого съезда комсомольцы назвали Ленина. Владимир Ильич долго беседовал с его делегатами, говорил, спрашивал, слушал. А через два года, на III съезде РКСМ, Ленин выступил с речью, в которой с предельной ясностью и глубиной определил задачи комсомола в социалистическом строительстве, в коммунистическом воспитании молодежи.

С тех пор вот уже пятое десятилетие живет и работает по ленинским заветам Ленинский комсомол. И каждое новое поколение комсомольцев как великую клятву партии и народу носит в сердце слова, прозвучавшие с трибуны съезда комсомола в год смерти Ильича:

«Всесоюзный съезд КСМ, принявшая имя Ленинского комсомола, является, как, какие бы препятствия на нашем пути ни стояли, каких бы жертв от нас ни требовали, мы выполним все эти задачи, мы не уроним знамени Ленина».

Комсомол был и остается верным этой священной клятве. Боевой помощник партии, ее резерв, комсомол всегда первым откликается на призыв партии, на какие бы трудное и ответственное дело она ни позола. На фронтах гражданской войны рядом с коммунистами мужественно сражались комсомольцы. В двадцатье годы вслед за коммунистами комсомольские отряды были направлены для работы в село. Выполняя решения партии, комсомол призвал молодежь к самому активному участию в индустриализации страны. Триста пятьдесят тысяч комсомольцев-добровольцев в легендарные годы пятилеток строили заводы и фабрики, шахты и рудники, новые поселки и города. А когда пришла пора снова

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Рисунок художника О. Укулова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

14

МАЙ
1963

Гол. издание комсомола

встать на защиту Родины, комсомол вновь рядом с отцами в боевых рядах: в первые же дни Великой Отечественной войны ушли на фронт 900 тысяч комсомольцев. После разгрома гитлеровской Германии миллионы комсомольцев и молодежи встали на леса новостроек. Целые земли и величайшие в мире гидроэлектростанции, гиганты металлургии и стройки «большой химии», новые железные дороги и «голубые трассы» газопроводов — вот те вершины, на штурм которых поднялся комсомол по призыву Коммунистической партии.

Партия говорит — надо, комсомол отвечает — есть! Так было, так будет и впредь. Потому что комсомольцы старших поколений, те, кто победил Деникина и Колчака, Врангеля и интервентов Антанты, кто помогал создавать первые колхозы и строил Магнитку, Днепростр, Комсомольск-на-Амуре, кто стоял на смерти на берегах Волги, осваивая Европу, — потому что те, кто уже посвященные сейчас комсомольцы передали нынешней молодежи, своим детям и внукам, лучшие свои черты — революционную страстность, трудовой энтузиазм, непоколебимую веру в высокие идеалы коммунизма.

Молодежь вместе со своими старшими товарищами — бок о бок, плечом к плечу — строит светлое здание коммунизма. И всегда, когда раздается призыв партии «Коммунисты, вперед!», рядом с коммунистами встанут комсомольцы.

Да, комсомол зовал доверие партии, признание народа, любовь молодежи в борьбе и труде. Именно это главное определил в деятельности комсомола XXII съезд партии, записав в Программе КПСС:

«Комсомол призван в еще большей степени проявлять инициативу и почин во всех областях жизни, развивать активность и трудовой героизм молодежи. Центральное место в работе комсомольских организаций должно занимать воспитание у молодежи беззаветной преданности Родине, народу, Коммунистической партии и делу коммунизма, постоянной готовности к труду на благо общества и к преодолению любых трудностей, повышению уровня общего образования и технических знаний юношей и девушек. Священный долг комсомола — готовить молодежь к защите социалистической Родины, воспитывать самоотверженных патриотов, способных дать решительный отпор нападению любого врага. Комсомол воспитывает молодежь в духе строгого соблюдения принципов и норм коммунистической морали».

Об этой главной задаче, о воспитательной работе комсомола, вновь шла речь и на июньском Пленуме Центрального Комитета КПСС. Партия придает особое значение улучшению коммунистического воспитания молодежи и повышению роли комсомола в решении этой задачи.

Это и понятно. Кто, как не комсомольцы, юные хозяева страны, должны быть на передних рубежах непримиримой борьбы с нашим идейным противником, с любыми проявлениями чуждой нам буржуазной идеологии! С высокой трибуны пленума партия еще и еще раз заявила, что мирного сосуществования

идеологией быть не может, что любая попытка примирения коммунистического и буржуазного воззрений будет способствовать ослаблению наших идейных позиций. Следовательно, надо вести борьбу повсеместно и последовательно, без перемирий и отступлений, наступательную и до победного конца.

И вновь, как не раз бывало, партия призвала на передний край борьбы за воспитание нового человека своих боевых помощников — комсомольцев. Как и всегда, плечом к плечу члены Ленинской партии и Ленинского комсомола, наши советские «отцы и дети». Одни — сильны мудростью и опытом бояды, ленинской принципиальностью и прямотой, другие — неисчерпаемой энергией юности, жарким накалом молодых сердец. Но и у тех и у других одна цель, одна дорога, одна мечта — коммунизм.

Молодежь у нас замечательная. Однако нет правил без исключений. «Некоторые молодые люди», — говорил в докладе на пленуме секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев, — «воспринимают великие блага, завоеванные нашим народом ценою больших усилий, как само собой разумеющееся, считают, что они рождены только для развлечения. Есть среди молодежи лежебоки, нравственные калеки, нытики, этакие «безусые скептики».

Пусть таких немного, пусть они составляют ничтожную кучку, но они все-таки есть, и это не может не тревожить комсомол. Каждый «безусый скептик» должен быть в центре внимания комсомольской организации. Каждый случай уклонения от общественно полезного труда, каждый случай тунеядства, расслабленности или пассивности должен заставить комсомольцев критически взглянуть на постановку воспитательной работы среди молодежи. Все ли сделано? Нет ли упущений? Ведь буржуазная идеология использует любую возможность, проникает в каждую щель и трещину, чтобы расшатать наши ряды. Об этом нельзя забывать ни на минуту.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов в своем докладе на третьем Пленуме Центрального Комитета комсомола говорил:

«Сегодня особое внимание мы должны уделить воспитанию подрастающего поколения в духе советского патриотизма, преданности делу коммунизма. Этого требуют от нас моральный кодекс, наша партия».

Первейшей обязанностью комсомольских организаций является воспитание молодежи на примере жизни и деятельности великого Ленина. Все, что связано с именем Ильича, бесконечно дорого и свято для нашей молодежи. Воспитывать молодежь — это значит учить ее по-ленински думать, по-ленински работать, по-ленински жить».

И воспитание это осуществляется прежде всего в труде, в процессе создания материальных благ, в решении важнейших народнохозяйственных задач. Именно это не раз подчеркивал в своих выступлениях Никита Сергеевич Хрущев. Советские юноши и девушки высоко оценили доверие партии и правительства, которые поручили комсомолу шефство над самы-

ми значительными стройками, над целыми отраслями промышленности.

А вопросы культуры, образования, быта И здесь комсомол, руководимый партией, на переднем крае борьбы за коммунистическую культуру, за коммунистический быт.

С глубоким удовлетворением и радостью прочтает каждый комсомолец теплые слова Никиты Сергеевича Хрущева, обращенные к комсомольцам и всей сельской молодежи Черкасской области: «Вы, дорогие товарищи, поднимаете очень важный вопрос — об активном участии комсомола в разрывании культурно-бытового строительства на селе и беретесь своими силами, своими руками построить клубы, детские сады, школы, хорошо организовать культурную жизнь села. Горько приветствую ваше желание...»

Но я хотел бы обратить внимание, чтобы комсомольцы не увлеклись одной стороной дела — строительством клубов — и не забыли о главном, а главное — это увеличение производства сельскохозяйственных продуктов...»

Эти слова Н. С. Хрущева еще раз показывают, как внимательно относится партия ко всем начинаниям комсомола, как по-отечески заботится она о том, чтобы комсомол всегда шел верной ленинской дорогой.

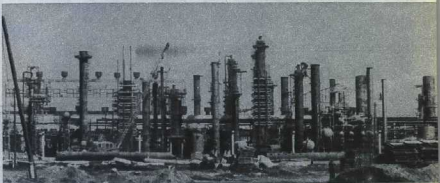
В наши дни на карте СССР не найти ни одной, даже самой маленькой точки, где не трудился бы комсомолец, наше молодое поколение. Не существует такой, пусть самой редкой, профессии, среди представителей которой не было бы членов ВЛКСМ. В памятные июньские дни мир узнал, что мировые космические рекорды дальности и продолжительности орбитального полета побил советский человек с комсомольским значком на груди. Это вслед за молодыми коммунистами, воспитанниками Ленинского комсомола Юрием Гегариним, Германом Титовым, Андреем Николаевым, Павлом Поповичем пошел в звездный рейс свой «Восток-5» космонавт комсомолец Валерий Биковский. А рядом с ним прокладывала свой маршрут первая в мире «космическая» женщина, аврачинский комсомольский секретарь Валентина Терешкова.

Каждый комсомолец считает для себя великой честью стать членом Ленинской партии. В рядах комсомола он готовит себя к этому, проходит хорошую школу борьбы за коммунизм. И самых лучших, самых стойких, самых достойных партия принимает в свои ряды.

...Бывают события, непреодолимую важность которых оценивает сама история. Именно таким событием был Второй съезд РСДРП, шестидесятилетие которого отмечается в эти дни. Нет в мире другой партии, которая за столь короткий срок прошла бы такой героический путь борьбы и побед, как наша партия коммунистов. И комсомол, боевой помощник партии, гордится тем, что с самого своего основания, с первых дней он рос, развивался, работал под ее мудрым руководством, что он всегда и во всем был и остается с партией, с Лениным. Да, именно так: с Лениным, с партией — всегда и во всем!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ХИМИЯ

Фото Г. ДУБИНСКОГО

Новомосковск — это ветры. Было время, когда, кроме ветров со всех четырех сторон света, никто не гулял по этой земле. Летом, как смерчи, подымались в воздух столбы пыли, зимой свирепствовали снежные ураганы. Но вот немногим более тридцати лет назад сюда пришли комсомолцы. Пришли, чтобы «строить химию».

Вместе с ними приехал и молодой еще тогда драматург Николай Погодин. Позже он вспоминал:

«Мы слышали прежде всего смех и слезы, соединявшие в одну музыку звуков голосов, но выделялся голос чистый, еще по-детски неустойчивый:

— К черту! Не хочу! Сегодня же уеду!... Душная на вид, хорошеющая и трогательная своим упорным видом девочка-подросток сидела на постели и проливая слезы. Вот уже какой раз у нее примерзают волосы к подушке!..

— Жди, когда это будет — и город и квартира!.. Жди сто лет!»

Девушка твердо решила покинуть негостеприимные места.

Прошло время, и Погодин вновь привез на стройку. Ни города, ни благоустроенных квартир здесь еще не было.

«Какое же было мое изумление, — писал Погодин, — когда на встрече с орденосцами я вдруг узнал ту самую девушку, которая омыривая когда-то наше знакомство с обитателями женского барака! Она носила на груди орден Ленина».

Погодин спросил, почему же она все-таки не уехала из Новомосковска. И ему рассказали, что девушку долго тогда уговаривали. Ничего не действовало. Но неожиданно кто-то сказал:

— Хороший же ты подаешь пример!.. Довод оказался настолько сильным, что девушка осталась.

«Тут и связалось, — писал драматург, — новое, глубокое, ответственное чувство коллектива. Беспокійство за судьбу стройки (действительно, а если все так раскиснут?) оказалась сильнее всех новомосковских вояк и буряков».

Очерк, который мы процитировали, Погодин назвал «Мы». Он был опубликован в журнале «Смена» в 1947 году.

И вот мы в Новомосковске в 1963 году. Теперь Новомосковский химвокомбинат — одно из самых мощных предприятий «большой химии», гордость страны. Девятнадцать километров отделяют комбинат от южной, жилой части города. Автобус, петляя в зеленых аллеях, вырывается на прямой шоссе — и перед нами конту-

ры индустриального пейзажа. Заводы заводы... Они, как горная цепь, то подымаются, то опадающая. Ее вершины — цеха, или башни, или банки сушильных установок. Есть здесь и свои вулканы — высокие дымовые гиганты — газгольдеры. В недрах каждой из этих «гор» бесценные сокровища: минеральные удобрения для полей, чудесные гербициды, сырье для получения плавмассы и лавана.

Комбинат расширяется, возводятся новые цеха. Это тоже комсомольская стройка. И на многих «вершинах» мы видим красивые флажки: это значит, что высота уже взята!

В комитете ВЛКСМ химвокомбината мы разговорились с Борисом Чистяковым, секретарем комсомольской организации хлорного завода, одной из лучших и комбината.

Борис рассказывает о разном, о большом и не очень большом, вспоминает

Однажды его ребята зашли в лесостарый цех. В цехе — цеха. Деревянные ящики грохотались до самого потолка, и от малейшего прикосновения грозили обрушиться на головы рабочих. На полу — грязь. Начальник цеха жалуеться: не хватает рабочих рук... А в управленции комсомольцами сказали, что из-за беспорядка цех придетсянуть ли и остановить.

— Постой, постой, Борис, при чем тут ящики! Вы же хлорный завод. Разве хлопья в деревянной таре доставляют!

— А разве я говорю, что это нацех? Это на другом заводе. Просто наших ребят это воскресенье было свободное. Ну и решили. Пришли в старый цех.

Но тара — это еще что! Каждый новый объект или установку по заведенному порядку принимает солидная комиссия. Главный в ней, конечно, начальник цеха или работ. Но порой за одним-два обхода всего не проверишь. И вот ребята проверяют каждый монтажный узел, как каждую технологическую схему.

— Что же все-таки главное в вашей работе?

Борис морщит лоб, стараясь сформулировать это «главное». И неожиданно слышу знакомые слова:

— У нас каждый комсомолец — с клора на он, или с ацетилена, или с ДМТ — беспокоится о работе всего комбината.

Я не уверен, читал ли Борис очерк Николая Погодина: шестидеять лет назад он был еще дошкольником. Но совсем не случайно он произнес эти слова. И

Один из строителей «большой химии», мастер по монтажу цеха ацетилена, комсомолец Валерий Луговой.

А это «малая химия». Лаборантка аналитической лаборатории Ная Сидельякова проверяет ДМТ — сырье для лавсана.

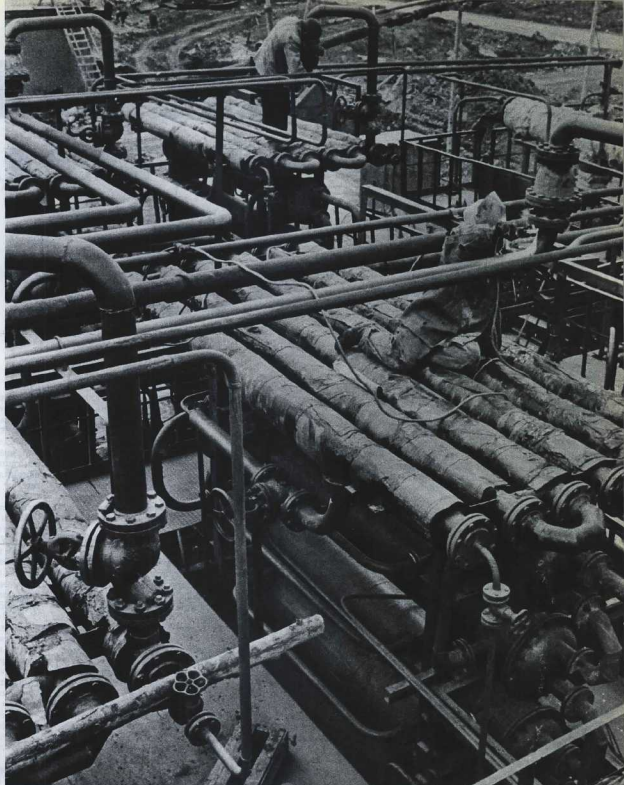
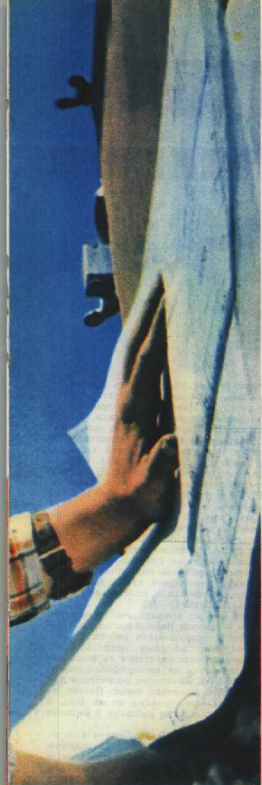
Борьба за большой урожай кукурузы начинается здесь, в цехе самозина. В эти целлофановых мешках — готовая продукция, гербицид, кубовский помощник кукурузоводов.

Комсомольцы — монтажник Геннадий Аникин и инженер Виктор Петровский — чувствуют себя «на высоте» так же спокойно, как в проектной кабине.

них—характер, боевая программа комсомолки Новомосковска, заложенные в легендарные годы пятилеток. И этот характер сказывается во всем: и в том, что ребята, не дожидаясь конца административной переписки, направили своего представителя в Запорожье и добились срочной отгрузки необходимых конструкций; и в том, что на химвоскомбинате установлен комсомольский заслон проектным ошибкам: прежде чем чертеж попадет на стройку, его изучают до мельчайших деталей комсомольцы-специалисты...

Итак, комсомольская зимья... Комсомольская в самом широком смысле, потому что комсомол не только строит ее. Мы в удивительном цехе. Четыре этажа хитроумных переплетений труб, четыре этажа неумолчного гула автоматов. Цех называется ДМТ — по названию продукции. Расшифровка длинная: диметилтерефталат. Впрочем, так длинно здесь говорят в очень редких случаях. ДМТ — сырье для лавсана. Пятисот

граммов вот таких белых тонких чешуек, напоминающих яичную скорлупу, достаточно для мужского костюма. И все производство этих километров чудесной ткани, весь ритм жизни цеха подчиняется одному голосу. Всюду здесь нас настигал этот решительный, не допускающий возражений голос, усиленный десятками репродукторов:

— Расфасовка, сколько мешков осталось, ответьте, расфасовка!

— Перекрываю подачу оксидата, внимание, перекрываю подачу!

Нам объясняют: это с пульта управления.

Мы ожидали увидеть на пульте седовласого, многоопытного инженера (штучка ли, четыре этажа автоматик!), а увидели... Зину Музину. Невысокого роста, худенькая девушка работает на заводе не так уж давно, а ей уже доверили управление такой сложной технологией! Значит, заслужила доверие!

С этим «заслужил доверие» мы всюду сталкиваемся на зимкомбинате, потому что это выражение применяется здесь ко всему комсомолу. В Новомосковске комсомолу верят, ему поручают самое важное, самое трудное. Поэтому и бытует здесь это выражение — комсомольская химия.

И. ВЛАДИМИРОВ

Громадные резервуары, невообразимое переплетение труб, энтузиазм строителей — все это и есть «больших химия». Монтируется цех хлора.

↓ На субботник!

ЧТО ТАКОЕ ДРУЗЬЯ НАРОДА
КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?

Сентябрь, 1934

Издана
проvincиальной группой
социал-демократов.

ВРЕМЯ ГОД ИЗДАНИЯ 1934

Когда я впервые увидел этот дом, он не произвел на меня особенного впечатления: просто старая дача народа и как они воюют против социал-демократов? Но так ли это? Где найти подтверждение?

И я снова еду в Горки. В деревне я провел несколько дней, но жители ее, даже самые старые, не могли сказать ничего определенного о том, что происходило в усадьбе более шестидесяти лет назад.

Но мысль об усадьбе Ганшиных не давала мне покоя. В сборнике «На бере рабочего движения в Москве» Анна Ильинична Ульянова, сестра В. И. Ленина, вспоминает события 1894 года:

«Первым работавшим эту и следующую зиму был кружок Мишквичей. После ареста этого кружка в декабре 1894 года другая его часть (братца Масленникова, Кирьячников, Ганшина и др.) продолжала работу. Они были связаны с Петером и издавали как исключение отсюда сочинения, так и другие, и, кроме того, местные злободневные листки».

Мишквич — это первый директор нашего музея, и я не могу не знать о его революционной деятельности. Конечно, если бы можно было спросить Сергея Ивановича, все было бы проще. Но — увы! — ветерана революционного движения нет в живых. Пришлось обратиться к его воспоминаниям «На грани двух эпох». Здесь я быстро нашел то, что искал. Сергей Иванович писал:

«Чтобы размыть это прование (Ленин. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»), я обратился к своим знакомым — братьям А. Н. и В. Н. Масленниковым, студентам Московского Высшего технического училища, и их двоюродному брату А. А. Ганшину, студенту Петербургского технологического института, с которыми и познакомился через Анну Ильиничну, а Ганшина знал

и Ильичу по петербургским организациям. И от них слышал прежде, что они продолжают работу на литографском камне. Они с радостью согласились на воспроизведение этого сочинения».

Но где все-таки печаталась эта замечательная работа?

Как-то, думая о Ганшинах, я взял обычную московскую телефонную книгу, надеясь найти кого-нибудь из этой семьи. Звоню одному Ганшину, невнимко, объяснил, что мне нужно, потом — другому, третьему. Наконец, тогда начал уже терять надежду, слышу в телефонной трубке:

— Я один из тех Ганшиных. Так скажите, последний из мотыков.

Быстро записываю адрес и тут же отправляю в такси на другой конец города. Меня встречает Иван Александрович Ганшин, небольшого роста старик с добрыми глазами, младший брат Алексея Александровича Ганшина, о котором писал Мишквич.

— Да, я знаю о первом издании ленинского труда.

Мой собеседник прищурив глаза и долго молча, видимо, вспоминая прошлое.

— Никогда мне не забыть того времени, — заговорил Иван Александрович. — Им, моим старшим товарищам, было всего по двадцать с лишним лет, но они думали только об одном — об освобождении народа от царской тираннии. Они работали в социал-демократическом кружке, печатали листовки, пропагандировали марксизм среди рабочих. И мы, петлявцы, тоже стремился к тому же. Это объединило нас со взрослыми студентами-марксистами.

И Иван Александрович рассказывал историю, услышать которую я мечтал уже не один месяц.

Это было летом 1894 года. Тамалает И. А. Ганшин проводил свои каникулы в Горках, в усадьбе родителей. В августе приехал туда Алексей и двоюродные братья Александр и Владимир Масленниковы. Алексей привнес с собой какой-то завернутый в ткань вал. Александр Масленников с трудом держал в руках небольшую, но, видно, тяжелую коробку. Вскоре при-

ехал в Горки Ванев, тоже студент. Друзья часто уединялись, были чем-то озабочены.

Как-то до слуха Ивана Александровича дошли неприятные звуки. Они шли из комнаты Алексея. Приблизился к двери, приоткрыл и увидел выжатые головы Масленниковых, склонившихся над столом. Алексей сидел за пишущей машинкой. Дверь открылась. Алексей вскочил со стула, точно ужаленный, вытянулся у стола Масленниковых, Ванева. Так гимназист Н. А. Ганшин стал участником издания ленинского книги.

Иван Александрович прерывает рассказ, поднимается из-за стола и идет к книжному шкафу.

— У меня хранится письмо Анны Ильиничны об этом деле. Хотите взглянуть?

Разворачиваю четвертую сложенную бумажку. Записка Анны Ильиничны, написанная на служебном бланке, удостоверяет, что И. А. Ганшин действительно участвовал в нелегальном издании книги В. И. Ленина.

— До того мне не приходилось иметь дело с печатанием, — говорит Иван Александрович. — Это исключительно трудоемкая работа.

Да, нелегко было колдовать подпольщикам. Текст рукописи сначала печатался на машине, затем его размножали на литографском камне. Приходилось делать множество отпечатков для того, чтобы получить четкий текст. Иногда на двести страниц книги уходил целый день, а то и больше. Подпольщики работали в комнате Алексея много месяцев.

Старшие читали книгу В. И. Ленина и часто говорили между собой о борьбе с народничеством. Иван Александрович прислушивался к их разговорам, сначала многого не понимал и решил поэтому внимательно изучить ленинский труд.

Однажды, сброшюровав книгу, — продолжил Иван Александрович, — я спрятал ее под рубашку и вышел на улицу. То, что удалось понять из разговоров студентов, не удовлетворило меня: хотелось самому разобраться.

Отправился в лес. Попелая немного между толстыми соснами, выбрался на освещенную солнцем полянку. Опустился на мягкой мох и начал читать.

— Я долго не мог прийти в себя от прочитанного, — вспоминает Иван Александрович, — Кавалось, раступился вдруг темный лес и открылась дорога — прямая, ясная. Будто звали она идти до ней, никому не сворачивая. И тогда я увидел человека, который шел навстречу идти за Лениным, за человеком, книгу которого прижимал к груди. Хотяти, вскоре мне выпало счастье говорить с ним.

— Вы говорили с Владимиром Ильичем? Где же — выразился у меня.

— У нас, в Горках, тем же летом 1894 года. О пребывании В. И. Ленина в Горках Перелазских имелись очень отрывочные и источные сведения. Никто не мог с уверенностью сказать, был ли он там и, если был, то сколько дней провел у Ганшиных. И это, совмещаясь, был Владимир Ильич в Горках Александровича.

В конце августа 1894 года я и брат Алексей, строго соблюдая конспирацию, отпра-

Здесь, в доме Ганшиных, была начата работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

лись на станцию Рязанцево. Поезд из Москвы приходил ночью. Брат предупредил меня, что наш гость сойдет с поезда на сторону, противоположную перрону. Поэтому лошади, запряженные в таранты, я подал и отпустил шестидюров, сложенному на путях. Ждать пришлось недолго. Визжу, подходит брат, а с ним и гость. Протянул мне руку, назвался Ульяновым. Гостя поселили в так называемом охотничьем домике. Владимир Ильич пробыл у нас четыре или пять дней. Он много гулял, ходил на охоту. Особо любил Владимир Ильич сидеть на скамейке, с которой открывался ошеломительный вид на мельницу. Уходил он в последние часы августа. Я не знаю, о чем говорил Владимир Ильич с Алексеем, но думаю, что придет к нам Ленина был связан с изданием его книги «Что такое «дружные народы» и как они воюют против социал-демократов?».

Иван Александрович показывает на небольшой акварель, висящую на стене.

— Вот эта мельница, на которую любил смотреть Владимир Ильич.

Заросший пруд, огромное мельничное колесо, рядом густой лес, справа уходящее вдаль поле — все это озарено лучами заходящего солнца.

Иван Александрович продолжает рассказ:

— К осени книги Владимира Ильича Ленина была печатана. Мы переправили тираж в Москву. Однажды по пути в вокзал в усадьбу неожиданно обернулся и встретился глазами с незнакомым человеком. Хотя я был новичком в конспирации, но почувствовал: па усадебный следит.

— Вы не ошиблись, действительно за усадебный следил, — сказал я.

— А вы откуда знаете? — удивился Иван Александрович.

Я вынул из портфеля фотоснимок справки, присланной мне Центральным государственным историческим архивом СССР. В ней приводился доклад царского министра юстиции Мурзавецкого министру внутренних дел:

«Негласным наблюдением установлено, что в г. Москве организована тайная революционная кружка «Социал-демократ», которой своей основной целью поставил ниспровержение установленного в России порядка управления. Главные руководители кружка: Мартин Мандельштам (Лядов), С. И. Мишквич, А. Н. Винокуров, А. Н. Масленников, В. И. Масленников, И. Д. Дурново, А. В. Киричников, Ф. И. Поляков».

Иван Александрович эволюционно ходил по комнате.

— Не знали мы тогда об этом, не знали. Тем не менее тираж книги удалось вывезти на легальную московскую квартиру. Теперь я вижу, что мы это сделали под носом у сыщиков. ...Но документов царской справки видно, что за студентами следили. Но почему их не сразу арестовали? Ответ может быть только один: жандармы хотели, чтобы подпольщики раскры-

Братья Масленниковы — Александр, Владимир и Юрий.

ли свои явочные квартиры, связи. И уже позже схватили их — сначала А. А. Ганшина, потом братья Масленниковы.

— Ели это дело вас так интересует, — поговаривал Иван Александрович, — нужно встретиться с Анной Николаевной Лебедевой-Масленниковой, сестрой братьев Масленниковых. Если сейчас пойти, думаю, застанем ее дома.

...В дверях небольшой комнаты нас встретила седая женщина. Рассказывала она не торопясь, обстоятельно, вспоминая детали, подробности.

Ее братьев, Александра и Владимира, после ареста поместили в Таганскую тюрьму, в одиночные камеры. Несколько месяцев спустя семье разрешили увидеться с ними. Свидания происходили в особых камерах, в которых арестованные отдавались от посетителя двумя решетками; сетки были так часты, что через них нельзя было даже различить лицо человека.

К нам после ареста Александра и Владимира часто заходили Анна Ильинична Ульянова-Елизарова и Мария Ильинична Ульянова — сестры Владимира Ильича — и его мать Мария Александровна. — продолжала свой рассказ Анна Николаевна. — Газ как-то Владимир писал на тюрьму, что очень жаль дялюшку, он заболел. Я спросила Юрия, кто этот дялюшка. Он объяснил, что Владимира Ильича арестовали. Братья также называли в письмах туговскую сестру его, Анну Ильиничну.

Вскоре арестовали и Юрия. Теперь все три студента Масленниковы были за тюремными стенами.

По приговору царского суда Александр и

Владимир подлежали ссылке в Архангельск на три года. Алексей Ганшин должен был провести три года в Вятской губернии. Юру выслали из Москвы без права жить в промышленных городах.

При отправке арестованных из Москвы им были устроены на вокзале проводы, собрался родным, знакомым. Анна Ильинична Ульянова тоже пришла проститься с осужденными. Пожар руку Александру Масленникову, она передала ему портрет М. Горького, любимого писателя революционной молодежи...

Недавно я снова побывал в Горках Перелавских. Теперь была бышая усадьба Ганшиных уже не казалась мне обычной. Я знал «биографию» каждого строения, каждой тропинки. Вот пруд, который любовался Владимир Ильич. Здесь находилась охотничья домик, где он жил. На этом вот месте была комната Алени Ганшина, в которой печаталась ленинская газета.

«Звучит «Интернационал», и сотни людей, собравшихся на митинг, видят, как медленно обнажается мемориальная доска с надписью: «Здесь, в деревне Горки», в 1894 г., в усадьбе Ганшиных печаталась первая часть газеты В. И. Ленина «Что такое «дружные народы» и как они воюют против социал-демократов?».

В 1894 году сюда приезжал создатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин».

И. ЛУПАЛО,
старший научный сотрудник
Музея Революции СССР

Я в болотных ночах
задышался от дыма,
На снегу
под осенними звездами мерз.
Только Партия дело,
только Ленине имя
Я сквозь бури,
и беды,
и ночи пронес.
Стеклоеи глаза,
и душа щепочел,
И мозоли зняла,
на морозе звеня.
Только Ленине имя,
только Партия дело
Поднимали тогда
на работу маня.
Я не ведаю клят,
я не знаю облат.
Мне никто
никогда
не вручал пертбилет,
Но без Партии нышей,
как без правды и света.
Ни творца,
ни певца,
ни строителя нет!

Новые стихи

Я иду болотами,
осозной,
По седым полям,
по ковылю.
Эту землю,
дышащую соком,
С детства я без памяти люблю.
Я иду ссысанным десам,
по густым иду,
через сады,
Яблони отряхиваю сами
Красными планетными плодами.
Прохожу под ветками крушины,
Песней благодарности томим.
Ты, моя земля, несокрушима,
Страхам неподвластна никаким!
И тебе ни голой,
ни сожженной,
И бездомной
Больше не бывать!

Андрей ЛДАН-СЕМЕНОВ

Как же на земле преобразженной
Голову до неба не поднять!
Как же не любить ее, скажите?
Я не желторотый коростель,
Славящий чужие общества,
Модниц и шкурнякую постель.
Я полена жид заморозагодом
И свои поля, свою тайгу,
Родники свои,
свои колоды
Не предам заморскому взрагу!
Строчи не продам своей нравости,
Собственного горе горю,
В бедах я люблю носить и вынес,
Как детей
выносят
из огня!

Недавно мир был снова взволнован известием из Москвы: на космической орбите вместе с Космонавтом-5 Валерием Быковский — первая женщина-космонавт — Валя Терешкова.

Как готовился этот легендарный полет, чем жила, о чем думала жительница Звездного городка? Обо всем этом рассказывает в своем дневнике летчик-космонавт К. Отрывки из дневника летчика-космонавта К. мы публиковали в № 7 «Смени».

По просьбе наших читателей мы продолжаем с некоторыми сокращениями публикацию дневника, представленного «Смене» редакцией журнала «Ассоциация космонавтика».

ДНЕВНИК КОСМОНАВТА И.

15 МАРТА

Не каждый день выберешь время, чтобы написать страничку-другую. Дел по горло, и все надо успеть.

Недавно мы отмечали событие в семье Андриошиного дубяра. Шутка ли, его авиленка Валюша подарила «Дублеру» первенца. Сбылась мечта наших молодоженов — у них родился сын!

Весь день силюще мать и отец принимали бесчисленные поздравления и подарки. Счастливым отец был на седьмом небе (ведь он космонавт!) и весело подтрунивал над своими женатыми друзьями.

Получилось у него очень здорово: у Юрия — две дочери, у Пашки — тоже дочка, даже некоторые наши преподаватели растут только дочек.

Задрол «Дублера» объяснился очень просто. Еще загодя до отъезда Вали в родильный дом ребятаговорили: — Жди дочку. Статистика работает не на тебя. Даже газеты пишут, что в Союзе рождаются больше девочек.

Будущий папа отшучивался. Он очень хотел сына. Об этом потом нам рассказала по секрету его жена.

А сколько шуму было, когда рожали, какое имя дать будущему космонавту. Предлагали: Константины — в честь Циолковского, и имени нашей звездной четверки, и множество других. Но Вали настояла на своем — сын будет носить имя отца.

20 МАРТА

Один из товарищей рассказывал любопытные вещи. Летом во время отпусков друзья застали его на Арагац.

Арагац — станция космических лучей. Это высоко в горах, отметка — 3 250. Люди поднимаются сюда, на Арагац, дабы посмотреть, как незримое и неслышное становится ясным. Здесь физическая лаборатория. Раздумывая над всем, что нам рассказывает летчик-космонавт С., я попытался представить себе, что я знаю о космических лучах. Они прибывают на Землю после долгого и однообразного путешествия через пустынное беззвездное мировое пространство. Очевидно, Земля не цель их странствий. Земля, пожалуй, — только одно из небесных тел, лежащих на их пути. Они бороздят Вселенную во всех направлениях, и мало-помалу было бы думать, что где-то существует единственный источник их происхождения.

Более того, мне кажется, лучи — даже не очень точное название. Обычно с этим словом связывают представление о чем-то направленном, а мы знаем, что космические лучи — это потоки частиц материи, пронизывающих атмосферу со всех сторон. От солнечного света можно укрыться в тени. Такая тень — ночь, всегда охватывающая половину земного шара. В этом смысле от космических лучей спрятаться никак, как в океане не уйти от волн. Лучи — тот космический мировой океан разреженного вещества, сквозь бури и метели которого плывет наша планета Земля.

14 АПРЕЛЯ

Отпраздновали День космонавтики — славный день нашего советского календаря. Подумать только — это вторая годовщина полета Юрия! И сно-

ва началась будничная работа. Сейчас тренировки стали еще сложнее. Усовершенствованная техника предъявляет повышенные требования. И это естественно. Каждый новый полет — новое достижение. Мы знаем, да и все время нашей стремительной жизни, все так сказать, сплываешь, подлетает, ждет, что придет время, когда наши звездные корабли вырвутся за пределы ближнего космоса. Они полетят на Луну, могут быть, на Марс или Венеру.

Мечта! Пусть будет мечта. Ведь именно она открывает нам путь в будущее. Когда задумаешься над этим будущим, часто приходит мысль, что в дальних полетах будет участвовать не один человек. Выразим нашим, авиационным, языком, в космос отправится целый экипаж: космонавт-пилот, космонавт-штурман, космонавт-бортирководитель и т. д.

Но дело не только в специалистах. Они могут быть и не совсем такими. Важно другое. Подобрать настоящий экипаж — задача очень сложная. В самом деле, такой подбор не может не учитывать не только физические, но и психологические особенности каждого члена космического экипажа, но и, как у нас говорят, «совместимость» людей. Ведь им, оторванным от Земли, во всем мире, придется провести вместе долгие и очень напряженные дни. А главное — выполнить сложное задание такого полета можно только усилиями всех, кто будет находиться на борту корабля, когда без лишнего слов, порой по одному взгляду чувствуешь и угадываешь намерения товарища, понимаешь, чего он ждет от тебя в данный момент.

Сегодня на занятиях в спортзале играли в волейбол. Игра была к тому же и календарной. Я сидел на скамейке запасных и, наблюдая за ребятами, невольно размышлял о проблеме многоместного космического корабля.

С кем бы я хотел полететь в один экипаж? Мысленно рисовал различные ситуации полета и старался представить себя среди товарищей. Придирчиво, даже, пожалуй, чересчур, я проводил «отсев», упорно стараясь найти ответ на мучивший меня вопрос: ну, кто же, кто оказался бы самым надежным, самым верным, самым, если так можно сказать, незаменимым?

Но... Не нашел я ответа. Запутался. Ну разве можно делить наших хлопцев на «подходящих» и «неподходящих»? Вадор! Готов лететь с каждым и со всеми вместе хоть на другую солнечную систему.

Я никогда смотрю на себя как бы со стороны: дурак: вот этому научил меня Юра, тому-то — Герман. Вдумчивости и хладнокровию я учился у Андрияна. Кстати, этими качествами обладают и космонавты, готовящиеся к новым полетам. Честность в работе, самодисциплина, взаимовыручка... Да разве перечислишь все хорошее, что есть у наших ребят и что они со всей щедростью своего сердца готовы отдать другу!

Сколько полезных советов давали нам те, кто впервые испытал эту новую тишину и другие специфические особенности судорок, кому испробовал на себе жар и холод термометров, кратковременную, но загадочную и необъяснимую на борту специфическую сангелит. И все это делали просто, без лишнего слов, как обычно поступают товарищи.

Космонавтика любит точность. Именно она. Ученые подсчитали, что для встречи двух космических тел точность должна быть буквально ювелирной. Например, запущая снаряд на Луну, надо учитывать, что встреча произой-

дет в какой-то определенной точке, куда снаряд и Луна должны прийти через строго расчетное время. Это гораздо сложнее, чем с борта сверхзвукового истребителя попасть в скоростную цель. Ведь до Луны почти четыре миллиарда километров!

На одном из звеньев мы прикидывали: если ошибка в скорости полета последней ступени ракеты, которую она разовьет к моменту выключения двигателя, составит всего лишь одну сотую долю процента, траектория полета ракеты отклонится от расчетной на 250 километров; если старт задержится бы на 10 секунд, расчетная точка истерии на поверхности Луны сместится на 200 километров. Вот что такое секундная точность пусков! Точность нужна во всем. Вот мы и решили приучить себя к точности и организованности даже в мелочах. Опоздания не только в строй или на расчет, но и пропуск встречи с другим звеном не допускались. Прощаешь физик, заставив товарища ждать себя — получай наказание. Оно у нас точное и не очень строгое, но не из прихоти. Но опоздавших теперь не бывает.

15 АПРЕЛЯ

Вчера мы тренировались в сложных условиях полета. И когда я сегодня перебираю в памяти все наши тренировки, мысли начинают разбегаться в самых неожиданных направлениях. Пытась их собрать воедино, я часто задаю себе вопрос: что же было самым трудным в наших тренировках? Может быть, бесшумное вращение центрифуги, когда на тебя наваливается с трудом преодолеваемая сила перегрузку, глаза заливаются туманом, а кровь пульсирует в висках! Или изуродующая жара термомокри, когда, облизывая языком пережженные губы, чувствуешь всю соленость своего пота! Или, погрузившись в воду, чувствуешь себя в воздухе, а вода — в космосе! Вспомнив прожидное, я останавливаюсь на том, что самым трудным для меня был, пожалуй, первый приезд в сурдокамеру. Перегрузки приходилось испытывать и на истребителях. Когда вездех в зоне учебной высоты, приходится закладывать такие виражи, что, кажется, тонны вдавливают тебя в кресло.

«Сурдо...» — слово нерусское. В переводе с латинского оно означает немой, глухой, титинь. Мне раньше приходилось читать, что врачи уже давно приспособили тишину для своих целей. С ее помощью они ведут борьбу с болезнями сердца, нервов и другим недугам. Титинь — хороший помощник в их деле. Но для нас...

Все мы привыкли к определенным звукам: шуму на улицах городов, передачам радио, разговоры окружающие, специфическому шуму рабочих помещений, лекционных аудиторий. А тут попадаешь в мир сплошной титинь. Ни звука, ни шороха, если не считать своих шагов, скрипа кресла и шелеста страниц читательной книги.

И вот сейчас, раздумывая над всем этим, я как бы снова переживаю тишину сурдокамеры.

Она всегда бывает в каждый угол небольшой комнаты и как бы следит за тобой, подкарауливает, ждет. Становится даже как-то жутко. Мне приходилось читать, да и наши врачи рассказывали, что многие американские кандидаты в космонавты не выдерживали этого испытания. Был случай, когда уже через сутки одиночества один из них начал проявлять какие-то странное беспокойство, а на вторые разбундился.

Никто из первых испытанных американских летчиков на земле не выдерживал более 44 часов в капсуле, где ограничивалось всякое чувствование. В полной изоляции, когда звук, свет и другие раздражители не действуют на человека, он обнаруживает смешливость, изменчивость эмоционального состояния, порой крайнюю нервозность. Известны и более серьезные нарушения психики.

Наших ребят не сломали сурдокамера. Андриян, Герман, Павел и другие чувствовали там себя прекрасно. После первого дня очистились и я. Но, если говорить откровенно, был момент, когда сердце веноло.

Это случилось на третий или четвертый день после того, как я мной заглянул тямелью, толстые двери камеры. Я окунаясь в мир титинь. За стенами непрерывно работала самонастройка. И вот стартовая сигнализация. Чуть-чуть приглушил раскат гонимой ракетой. Препятствия смирно свернула тишину. Потом все стихло, будто ничего и не произошло.

Врачи тогда дали хорошую оценку моему пребыванию в сурдокамере. Но первые दोл секунды, когда я ставшую уже привычной тишину неожиданно врываюсь в работу, сразу же чувствую себя в воздухе. Звук, свет и другие раздражители — мелочные и мелочливый кажутся шум, мчающихся сосен, монотонное шуршание дождя, голоса знакомит, когда выходящих из этого мира титинь!

24 АПРЕЛЯ

Утром в нашей столовой зашел интересный разговор. Один из очередников заговорил о космических обходах. Все сводилось к тому, кто и как он будет питаться, летящего, скажем, на Марс. Мы не пришли к единому мнению, будут ли этот вопрос решать химии или биологи. Сейчас действительно сказать трудно.

Чуть-чуть интереснее расчет годовой потребности каждого члена экипажа межпланетной ракеты: 764,5 килограмма воды (это семь здоровых бычков), 313,9 килограмма кислорода и 296 килограммов органических веществ.

Биологические цифры получаются, если сделать попутную раскладку. Оказывается, для среднего человека весом 70 килограммов требуется химических элементов: кислорода — 3150 граммов, включая дыхание, углевода — 930 граммов, водорода — 290 граммов, включая дыхание; азота — 4,5 грамма, фосфора — 1,5 грамма; калия, натрия, хлора и серы — по 1 грамму. Из органических элементов — марганец, железо, медь, йод, магний — приходится в общей сложности меньше одного грамма.

Откуда он вычитает все это?

Ты бытла слушаешь — ты бытла вынимаешь. Все это, конечно, очень интересно. Оказывается и тыква может быть полезна в космических рейсах. Три с половиной метра живых листьев тыквы полностью обеспечивают кислородом одного человека.

26 АПРЕЛЯ

Уже несколько дней тренируемся в невесомости. Невесомость, пожалуй, уже перестала быть сплошной загадкой.

Тренировочные полеты на невесомость стали привычными и, я бы даже сказал, желанными: интересно и необычно. Особенно переход от нормального состояния к невесомости. Сначала сидишь на полу — все равно, что сидишь на воде, потом лежишь, а потом — лежишь в космосе. Чуть оттолкнулся — и поплыл.

Порой бытие мнимое, да и я сам раньше так думал, что это парение с отталкиванием от воздуха аналогично обычному плаванию в воде. В принципе это так. Но есть и разница. Она в пути разгона. Ученые подсчитали, что для разгона плавальщика в невесомости, этот путь в космосе (800) раз длиннее. Объясняется это просто: плотность воздуха в такое число раз меньше плотности воды. Плавание в невесомости медленнее. На одном метре пути космонавт развевает скорость, равную 2—3 сантиметрам в секунду.

После полета Паши рассказывал об интересном поведении жидкости, найденной в сосуде. По этому поводу ему задавали много вопросов на пресс-конференции.

Мурзилковскому интереснее все, но иногда они задают такие вопросы: — хот — сто? хот — сто? хот — сто? Мы припомнили случаи, когда одного из наших ребят спросили, где находится ракета с двумя космонавтами, которую Советский Союз год назад запустил жидкостью в сторону Солнца.

«Где находится ракета? — отледа так бред! — спрашивающий сослал на американскую газету.

У Андрияна однажды спросили: «Возможен ли полет советских женщин в космос?»

Мне очень понравился его ответ: «Всегда страшно думать о женщинах, которые отлично владеют профессией летчицы. В годы прошедшей войны они проявили незадачный героизм, сражаясь в воздухе за свободу и независимость своей Родины. Женщины — врачи, ученые, капитаны морских кораблей, члены правительства... В Советском Союзе это не только возможно, это существует уже сорок пять лет.

И вдруг он сам спросил: — Ну, вот теперь вы ответьте мне, могут ли советские женщины полететь в космос!

Судя Андриян привал слова, сказанные Н. С. Круцким: «Семья космонавтов в будущем пополнится и дочерями народов нашего многонационального государства».

5 МАЯ

Этот день был по-настоящему весенним. Первомайские праздники погони. Все собралось в наш Звездный городок. Воскресенье. Сегодня никто нигде не поехал. У нас в себе чудесно...

Судя Андриян телеграмму: — «Маме, Звездный городок. Стенгазета «Нептун» (это наш боевой сепаратный журнал). Поздравляем праздником планеты. Вечной остроты непереносимому перу. Желаем быть на космической высоте. Землянам.

Вспомнил веселые и остроумные шутки, колене шутки, рассказы в маршиках. Наш «Нептун» не бездействует. Держись, если попадешь на его вилы!

Потом, как часто это бывает, разговор перешел в профессиональное русло. Заговорили о кораблях и их создателях.

Трудно найти слова, чтобы воспеть наши корабль. Они замечательны. Да и люди, у которых родилась конструкторская мысль, которые воплотили эту мысль, как говорят, в металле, тоже замечательны.

Несколько раз мы встречались с Главным Конструктором космических кораблей. И он бывал в нашем Звездном городке. Нам приходится его видеть в различное состояние. Внешне он очень прост, довольно крепко сложен. Он не молод, но лицо молодое, приятное, русское. Глаза он слегка прищуривает. Он может показаться очень спокойным. Но так бывает только в те короткие часы, когда дело не касается работы. Наблюдая за ним на космодроме или за проектором, чертежами, в цехе или на заседании Государственной комиссии, этого не скажешь. Главный Конструктор много мелочайших деталей знает дело, умеет все подметать, быстро и правильно оценивать обстановку. У него масса идей, интересных и поразжающих нас, новичков космоплавания, своей грандиозностью. Он рассказывает о себе, Оказалось, что он тоже из авиационного гнезда вылетел, четверть века авиации отдал, да и сейчас с ней не расстается.

Вот так, зареянные Главным Конструктором, мы обычно продолжаем этот разговор между собой. Часто просто фантазируем.

Трудно представить уровень развития космической науки сейчас 20, 30, 40 лет. Старавсь представить, какими станут космические трассы в ближайшие десятилетия. В солнечной системе появятся крупные автоматические станции-спутники, наблюдательные пункты на планетах, обитаемые искусственные планеты. Наш Звездный городок — первый раскладок о себе. Оказалось, что он тоже из авиационного гнезда вылетел, четверть века авиации отдал, да и сейчас с ней не расстается.

Фантазия! Нет, уже не фантазия. На пыльных тропинках далеких планет обязательно останутся наши следы.

9 МАЯ

Сегодня День Победы... Над Москвой гремит праздничный салют, и множество разноцветных огоньков вспыхивают в тинном небе. Сияют за столом, держат в руке ручки, а мысли собрать не могут... Война, она закончилась всемирно лет назад, кажется, что это было давно. А может быть, и не так давно.

Когда говорят, что человек прожил большую жизнь, мысленно представляю себе его труд и борьбу, радость побед и горечь неудач, высокие порывы творческого вдохновения, глубину мыслей и зоркий взгляд много повидавших глаз.

11 МАЯ

Мы молодцы, большинство из нас не приходится делиться последней коркой хлеба, видеть кровь убитых женщин, растерзанных детей, трупы на опустевших улицах городов. Но кто смеет утверждать, что мнимая война омыла сердца нашего народа, а потому сейчас можно встретить ходячих эгоистов? Нет и еще раз нет! Люди, прошедшие суровую школу испытаний, стали чище, откровеннее.

11 МАЯ

Случай... В немину бывают разные случаи, и у каждого из них своя причина. Поразмыслишь, вот так, и раскрывается перед тобой человек. ...Одному из наших героев космоса потребовалось отправить в город Лу, родственнику — сестру жены или что-то в этом роде. Приехал он на вокзал не в мундире со всеми регалиями, а в штатском комбезе. Заходит из вагона по привычке негладителю и военному командиру. — Так и так — помогите, пожалуйста, с билетом. — Мы обслуживаем только военных. — Честное слово, я военный. — Документы. — Поезд наш друг и карман, но передумал — не захотел называться (сразу же оговорился, что ему вообще позволено: он не поехал на свои портреты).

Пошел космонавт к гражданским кассам. Посетовали ему ехать в какую-то очередь. Выстоял он ее терпеливо, оказалось, не та касса. Пошел к другому окошечку, еще постоял, но опять безрезультатно. В этом окошечке давали билеты только туда и обратно. Так и ходил он от кассы к кассе, а время шло, и надо было возвращаться в городок. Вспомнил рисунок из атласа: «Поезд в пути». Пошел к военному командиру — не очень приятный, злая и горячий разговор, окончился он эпически: «Много вас тут таких ходят».

Вот и почувствовал наш герой впервые себя бесшаманом. Космос одолев, а билет на поезд достать не смог. Помочь взялся другой наш товарищ. Он командир был возвращающихся несколько позднее и взялся выстоять еще одну очередь. Когда он вернулся с билетом, повелел нам эту историю и добавил: — Билет билет, отсчитай положенную сумму и говори: «А ведь как назавтра билет у вас летчик-космонавт. Понадобился ему ваша срочная помощь, но...»

И они исполняли: «Да как же так? Да как же он не назвал? Мы бы... Боже ж ты мой — сам герой космоса был!» А разве в этом дело!

17 МАЯ

Сегодня, когда ехали в академию, я спросил Пашу, что такое мечта. Наш разговор подслушал ведущий Космонавт-5 и со вздохом: опять, мол, философствуете — вдруг высказал интересную мысль. Он сказал, что мечта — это то, что сильнее всего страшно.

Размышляла над этим, я все больше убеждаюсь, что он, пожалуй, прав. Взять наше время. Сейчас даже трудно мечтать. Даже робкий взгляд в будущее требует от человека солидных познаний. Лучший пример, разумеется, космос. У Гейзенга двенадцать вопросов по атому. Здесь — Земля, это сила, к которой никогда не прикасая страдательный Прометей — все человеческое.

Много чудес видела наша планета. Книжки сохранили до наших дней рассказы о победах человеческого разума над титаническими силами природы. Часто с гордостью я думаю о том, что человек все-таки удивительно создание природы. А взять нашего, советского человека. Силы его рук, мощь его мысли мне представляются поистине сказочными. Укажите цель, задачу, проблему, осуществление которых является несбыточной мечтой. Не скажете!

«Высшая цель партии — построить коммунистическое общество». Это свершился! Мы, молодые, верим в партию, в неисчерпаемые силы своего народа и будем преданы служить ей, настоящие борются за осуществление идей, провозглашенных Лениным. Да, нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Ну, а наша профессия? Полеты советских людей в космос — это символ того нового, чудесного и смелого, что несет коммунистическое общество.

21 МАЯ

Снова поздно вернулся домой. Зашел по пути к Андринку, и заболтался. В его квартире тут милый беспорядок, который царит в жилищах холостяков. На столе, на подоконниках и даже на полу лежат книги. Андрюшка протянул мне томик в коричневом переплете. Проложил: «К. Э. Циолковский. Избранные труды».

Андринку купил сборник в Москве и с нескрываемой гордостью заметил, что это — последнее академическое издание. Он, как и Герман, кирилкой, собиравший книги — его страсть, все шкафы набил ими. Заговорил о работах Циолковского, чрезвычайно интересных и увлекательных. Где книги, там всегда есть о чем поговорить и заболтаться. Сейчас сижу и раздумываю над тем, о чем шел спор...

Но не могу согласиться с тем, кто утверждает, будто уже сейчас можно летать человеку на Луну. Андринка и Герман явно поддерживают. Нам кажется, что здесь нельзя говорить и, после четырех полетов наших лунников еще много будет пристрелочных полетов автоматических станций, включая аппараты, которые с приборами совершат не одну посадку на «ночное светило». И лишь после того как мы будем больше знать о Луне, туда сначала будут направлены живые, а потом и человек. Только после этого разговоры о полетах можно считать серьезными. У Луны есть. Впрочем, может быть, это и не фантазия. Вспомнили мысль К. Э. Циолковского, высказанную им в повести «Вне Земли». По его проекту посадка космического корабля находилась орижире — своеобразный ботанический сад, который снабжал космонавтов фруктами и другими растительными продуктами.

Правильно ли это соображение Циолковского сегодня? — спрашивали мы себя. И тут же отвечали: для обычных космических полетов, пожалуй, нет. Хотя наземные растения и дают кислорода больше, чем хлорелла, они пока не приспособлены к полетам с ней из-за своей структуры.

Известно, что уже сейчас изготавливают специальные палатки, в которых поддерживается строго определенный процент кислорода. Человек может ежедневно некоторое время находиться в палатке. Все это хорошо и более удобно, чем кислородные подушки или мешки, но в аней надо летать и соблюдать предельный режим.

А если идти за мыслью дальше... Представим себе фруктовый сад с яблоками и грушами, с аллеями, обрамленными кустарником. Сад создан в герметическом, замкнутом помещении, и ни одна молекула другого газа не проникает внутрь. Зеленые листья выделяют кислород, и можно создать любую его концентрацию. Значение таких садов очень велико, и в межпланетных космических кораблях они могут стать их обязательной принадлежностью.

Но это в палатке. Как быть тогда, когда допустим, люди прилетели на Луну? Мысленно пролетаю внутри. Зеленые листья выделяют кислород, и кислородом, раскрываем тайны нашего спутника. Затем Марс, Венера, Юпитер, дороги к дальним звездам...

Пройдут годы, и человек грядущего уже не удивится, узнав, что в районе Мерса работает астрономическая обсерватория, что по маршруту Земли — Луна за месяц перевозятся сотни тысяч пассажиров, что самый лучший самонавиг находится на вневенной станции...

23 МАЯ

Часто нас спрашивают, какой вид спорта более всего сопутствует тренировке космонавтов.

Нашим хлопам любят спорт. Спортивный зал и летние открытые площадки не пусты. Любят ребята и наблюдать за интересными состязаниями: или заплыве бальнеации. Когда играют футбольные киоски «Динамо», Пашу от телевизора не оторвать.

Естественно, что каждый спортсмен любит свой вид спорта и считает его самым увлекательным и полезным. Теннисисты, например, считают, что для отработки реакции нужно заниматься именно теннисом. Но им возвращают аэллистика. И в их утверждениях есть логика. Аэллистика воспитывает мужество, развивает газавтор, высокую точность координации движений, чувство равновесия. Кроме того, аэллистика, совершая восхождение на высоты, доувольствует небольшим количеством кислорода в разреженной атмосфере и не терпит при этом работоспособности.

Спортивный спорт, как и всевозможные виды спорта, требует постоянного сохранения критической оценки своих действий, умения длительно выдерживать значительные физические и нервно-психические напряжения. Однако наша космическая профессия настолько еще молода, что пока довольно трудно определить все «от» и «до», поэтому должны удовлетворять

Кто знает: для космонавта важно не просто спортивное достижение — прыжок в космос, а решение научных задач, познание закономерностей космического пространства.

Сейчас мы готовим к новому полету. Готовились всей группой. Такова традиция: за большое дело беремся сообща. Все вместе мы готовили в полет Юру, потом Германа, затем сразу двоих — Андринку и Павла. И теперь снова объединяем свои усилия. Полет пройдет успешно — это ясно. Немно пока, кто полетит. Кто назначат командирами новых космических кораблей?

В нашей группе все хорошо подготовлено. Любого пошл — выполнит задание партии и народа. И каждый из нас верит: придет день, и он обязательно полетит, и не просто так, а захватив с собой я дальний космос все земного, все, чем мы живим эти время.

25 МАЯ

Сегодня необычный день. Утром у подъезда нашего корпуса собрались ребята — коммунисты, командиры, преподаватели, врач. У всех природное, торжественное настроение. Мы пришли на партисобрание — традиционное собрание наших коммунистов перед отъездом на старт. Такое собрание было накануне полета Юрия Гагарина, собрались мы и перед другими стартами, когда провозжали на космодром Германа, Андринку и Павла. И вот снова...

Первым выступил Юра. Он как командир должен о готовности дна экипажа — мужского и женского — к предстоящему полету, коротко рассказал о проделанной работе, пожелал успешной посадки тем, кто отправится в космосный рейс за звездами.

Потом дружеские напутствия давали Попович, Титов, Николаев, наш командир — боевой и прославленный генерал — врач, преподаватель. Каждый из них говорил о своем, но все объединяло одно — твердая уверенность в том, что и это новое задание партии и правительства будет выполнено успешно.

Андринка и Герман вспомнили свои полеты, еще раз дали советы, желали благополучия и успеха.

Потом выступил наш очеркиник — Космонавт-5. Хорошо он сказал.

... Так уж повелось, что, отправляясь на задание, мы даем клятву верности, долга, клятву сердца. В космосе побывали четверо моих друзей, четверо коммунистов. Они с честью выполнили задание нашей партии. Я коммунист. Ленинский коммунист — подучури коммунист. И если мне доверят совершить этот полет, я сделаю все, чтобы выполнить его, как подобает коммунисту.

За ним к трибуне подошла наша Валя — первая девушка, которая полетит в дальний и суровый космос. Просто и очень твердо сказала она о своем желании. Счастливого вам полета, ребята! Мы с нетерпением будем ждать вас на родной земле.

Мам на выдумки

Это было в апреле она целинного сева...
 Неутончив «саши» с винитной картинкой «Молодого целинника» на ветром стекле молотил по жарким степным дорожкам. И на заднем сиденье машины покачивался Ваня Сеитчи — художник краевой комсомольской газеты. А когда «саши» остановились, Иван расправил плечи, и степь, лишенная, казалась бы, красок, вдруг начала играть на выткане всеми цветами радуги...
 Степь и ее покорились — любимая тема молодого художника Ивана Сеитчи. Это и есть его целина.

вышла такая встреча, побеседовать с Васькой Миговичем...

Васяка устало змункунул:
 — Опять душу вынуть будет!
 «Вынаше души» началось, как только мы сели за стол. Рыжий парень залпом проглотил стакан простоквашы и торжественно заговорил:
 — Слышь, прожектор, по-моему, в вполне хорошем для того, чтобы попасть под твой мощный луч. ЧНаправь его на меня, пожалуйста. На меня и на мою острую нужду в здоровье и культурном отдыхе. Уйти, прожектор, и выключайся, как Николай Мамай, а футбольного мяча у меня нет. И сетки нет. И ничего у меня в разрезе физикулы рт и спорта нет. Если хочешь, быть здоров, прожектор, надо завальтаться! А я хочу быть здоровым. Как ты на это смотришь?

Вася Мигович иронически посмотрел на рыжего юмориста и спросил:
 — Ты с Ирой разговаривал?
 — Это с Горбань Не-е-е... А ее что, капитаном футбольной команды назначили!
 — Пока еще нет. Речь о другом. Ты знаешь, как Ира добыла деньги на музыкальный инвентарь? Так вот — путем проведения воскресных. Ты вот у Иры, дорогой товарищ, еще рубль шестьдесят осталось. Сбегай к ней. Может, она тебе эти деньги подарит на память. А скорее всего не подарит. Скорее всего ты у нее получишь бесплатный совет по части сбора и реализации металлолома. Это называется обмен опытом.
 — Ладно, прожектор. Успокой. А транспортом поможешь? Мы тогда тут все поднимити, ржавого гвоздя не найдем!
 — Ну, это уже другой разговор, чмплион. Транспорт поможем...
 И Вася Мигович пошел к мотоциклу, я уселся у него за спиной, и снова гонка от агрегата к агрегату: шел снег, и нам никак нельзя было вывезаться из его ритма.

Деявносто гектаров равнодушия

Володо Анцицда, комсорга пятого отделения, мы долго не могли найти и совсем уже собрался уезжать, как вдруг на дороге показался брнчка.
 — Никита Иваныч, Анцицда не авидити!
 — Как же, авиди. На почте он...
 — Слышай, посяди-ка ты тут,— это Мигович уже мне говорит,— а я смотрюсь за Володой. Радва—ч навади. Или авидишь что, потопуль пока с Никитой Иванычем. Это у правляющий отделением.
 Я зашел к Ярошенко. Он посмотрел на меня с званым интересом и спросил:
 — Вася-это оlette, авидерно, бракодельца зловыно? Не зловыно, говорите? Ну-ну... Значит, нет бракоделова. А то бы Васяка с них шкуру спустил. Слыхали, авидерно, про Александра Ходановича, агронома нашего?
 — Я не слышал.
 — Было у нас бракодельство, было. Хлопцы севть начали. А севлия ни старые достались. Таких севлях, что их труднее отремонтировать, чем чмса. И, конечно, насчет нормы высева на эти агрегатах дело плохо. А Ходанович крутил свой мотоцикл. И дожурнулся до того, что деявносто гектаров пришлось пересевать. Васяка как обнаружил это дело — ави побабал! агронома, и такса допустил! Нарисовали агронома и по всем отде-

лениям развесили. Потом Васяка говорит: «Ходанович здороваться перестал. А я думаю так: пообщайтесь агроном, пообщайтесь и поймает, что прав все-таки Мигович был. Дело есть дело.

Старик оказался интересным, и говорить с ним было одно удовольствие. Но тут под конец затрещал мотоцикл, и я вышел на улицу.
 — Знакомись. Это Волода Анцицда. Комсорг, прожектор, киномаханник.
 Волода был сердит. Васиня тоже: ему бы сейчас гробы и молиния, и он метал бы их, невзвра на лыча.

— Христоворо годай! Тринадцать центнеров зерна спер. Я его, гада, так раскручу, что он до пенсия плавать будет.
 — А после выхода на пенсию?
 — Тожел — жестко отрезал Васильи.—Ладно, ты меня извини. Не до шуток. Завоил уже я куда надо. Сейчас возьмут его. А тут еще Васяка Сурмайбаве нарисовал — четвертый как агрегат степи. В общем, Волода, включаем прожектор — и никакую пощадить!

...И снова я за спиной у Васини. И снова нас швырнет с одного ухаза на другой. Я кричу ему прямо в ухо:

— Слышай, Вася, а может, ты в самом деле переигур с агрономом! Не может же он авиде пощадить Жырчо человека.
 — Все мы люди. А ты знаешь, что значит пересеть деявносто гектаров? Это все равно, что три агрегата целый день простояли. Понал! Целый день! Тот самый, который год кормит... Деявносто гектаров равнодушия — вот что это такое! Ты и Володышка бы спросил. Я вот спрашивал. Молчит, потому что от злости говорить не может. Это ты понимаешь?

Это я понимал, потому что знал и Володу, и Толо Колпакова, и Тамилу Ермоленко, и Веру Ходорощко — «прожектористов», ребят, одержимых идеей железного порядка на всех без исключения участках работ.

Я понимал и И. И вопреки всем правилам деявности Васю Миговича по плечу, и мы помчались дальше — навстречу дороге...

Без оглядки на чин

О затравленном порядке надо заботиться сегодня. О сегодняшнем порядке надо было заботиться вчера. Это элементарный хороший хозяин самн готовит летом.

Когда Вася Мигович сел за пульт управления комсомольским прожектором в «Ирраспартизанском» это не было для него очередной энгажушкой. Это был груз, который на свдвинуть в одиночку. Надо было сколотить вокруг себя ребят: Надо было с ходу браться за дело. Короче говоря, надо было заявить о своем существовании во все голоса.

И агропротристы заявили. Во время уборки. В те трудные и радостные дни, когда все-таки появились плоды труда своих.
 В эти дни главный инженер совхоза вдруг вспылал страстью к своему огороду. Выспылил, ни сколько не заботясь о том, что обстановка требовала от него быть буквально вседушеским.
 «Комсомольский» прожектор взял под обстрел главного инженера. Вася пошел на это, хотя глав-

Юморист, футболист, тракторист...
 Фрида, конечно, не выходящаяся, но зато парне великолепный!

Рыжий юморист

Этот день был наполнен ревом мотоцикла. Мы мстались с Васей Миговичем по совхозу — из отделения в отделение, от агрегата к агрегату. Мы глотали едуку пыль, ругали последних словами идущие апереди грузовики, обгоняли их и снова мотались по полям. Шел сев. Васе урчико было легче побывать, нужно было вжиться в бешеный ритм этого майского дня, который, если верить послоние, год кормит.

— Идите руки мль, комсомонаты! — сказала она, а рыжий тракторист, уминавший за соседним столом огромную краюху хлеба, засмеялся:
 — Ты им, Вала, мочуку дай, чтобы им два часа не стреллись. А то я, Вала, слышу и хочу, раз

Робота пообедали, и в столовой на отделении стало тихо-тихо. А повара из чем-то забумалась...

Р. ХАРИТОНОВ

РАЙЦЕНТР

Загадочное слово — «будущее»,
И день другой, и век другой.
Я начинаю день от булочной
С ковригой хлеба под рукой.

А надо мной вмят скорчонки,
В них ночью птицы,
А палисадники и звезды дном.
Под каждым плещутся окном.

Райцентр,
Как врали, врали мне с душой,
Пугали, что в райгазе брюки
Еще с полметра шириной.

Пускай мне врут,
не в брюках дело,

Пускай у брук не тот фасон,
Пускай на танцах неумоло
Танцуют девочки чарльстон,

Пускай еще здесь в чем-то трудно,
Пускай толкнут, не извинясь,
Но минуетесь отсюда
С мойкой землей прямая связь.

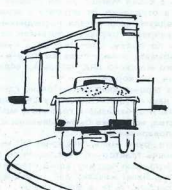
С землей, которая нас кормит,
Чьим хлебом сыты на Руси,
С землей, где руки, слово корми,
По локоть в землю проросли.

Когда земля руками понята,
Она зарей озарена,
Когда земля руками поднята,
Всего не вывезти зерна.

Стоит жара, как на экваторе,
А мне с машин зерно сыпать;
На роскошном элеваторе
За хлебом солнца не выдать.
Зерно сыпало — так держаться!

Ведь мы пока еще должны
За хлеб для будущего драться,
А не за узкие штаны.

Загадочное слово — «будущее». И день другой, и век другой.
Я начинаю день от булочной
С ковригой хлеба под рукой.

ный инженер в совхозе — фигура видная. Впрочем, именно эта «видность» и подкавала Васю, что отступать тут нельзя: раз главный околпак в своем огороде, то и любой рабочий может сделать то же самое. Он попросту отмахнется от «проекторства»: «Меня, значит, под луч, а главного, значит, поболсал!»

И Будут прав. И Мигович принимает решение: «Иду на конфликт!»

Именно на конфликт, а не сплюску. Именно на конфликт, а не шумливую траскотню. Именно на конфликт с серьезными выводами, с доверием дела до положительных результатов, до «исправления имеющихся недостатков».

Одно из отделений совхоза жестоко страдало от нехватки воды. Пробурили на отделении скважину, оборудовали ее как следует, недостатка только электромотора. Его нужно было установить и подключить. Но инженер-электрик не торопился. Инженер-электрик был спокоен, поскольку он лично в этой скважине не нуждался.

И «проектористы» «если» на электрика и на слезах у обочины дороги. Васиний приторгозил мотоцикли, и один из ребят поднялся на наветренную — запляканный, весь в мазуте, усталый и какой-то очень светлый.

«...Еще издали заметили мы группу людей, привставших у обочины дороги. Васиний приторгозил мотоцикли, и один из ребят поднялся на наветренную — запляканный, весь в мазуте, усталый и какой-то очень светлый.

— Ну, Вася, все. Отсвистели!

И Вася крепко пожал протинутой ему руку. А когда мотоцикли снова стал наматывать на колеса дороги, Вася крикнул мне:

— Это знаешь кто? Это Кузьмин, инженер-электрик. Тот самый. Он на агрегат сел во время сев.

Сев — большое испытание для хлебороба. Из года в год повторяется это испытание, но год не

похож на год, и, наверное, поэтому каждый новый сев тит в себя не всегда принимает неожиданности. И, видимо, подготовка к этому испытанию в том и заключается, чтобы исключить такие неожиданности.

И если в «Краснопартизанском» весенняя страда прошла в общем хорошо, то это заслуга и «проектористов». Они знали, что весна — это испытание. Они готовились к этому испытанию весь год. Они проверяли состояние техники и работу столовых, деятельность клубов и качество сямки, готовность рабочих и расторопность руководителей.

Ребята готовились строго, не признавая мелочей, не оглядываясь на чины и ранги.

Из наступления в наступление

Мы обехали с Васей Миговичем почти весь совхоз. Мы останавливались у контор, а поля на фермах и просто на дороге — останавливались вездь, где были люди. И люди шли наветренную сторону парню в промасленных галфе и говорили:

— Вася, мяса в столовой нет и по такой жаре не будет. Нужно хотя бы на Центральном усадьбе холодильник наладить...

— Вася, с установкой насосов что-то завольничали... А у нас овощи, их поливать надо...

— Вася, «буковинкой» сеем, а «буковинка», сам знаешь, какая кукуруза: от горшка два вершка в условиях Кустанайщины. Нам бы «ВР-42»!

— Вася, кино где? Месяц ничего не видели... Вася!...

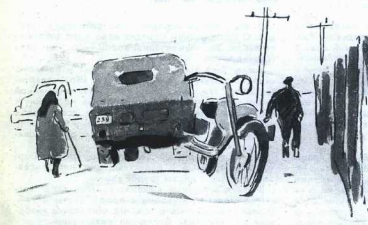
— Ездил я в Москву — рассказывал Вася — на заседании Центрального штаба «комсомольского проектора». Послушал я там, что люди говорили, и, кажется, понял главное: проектор — это каждый день, проектор — это в любом деле.

От кино до производительности труда. Правильно? — Правильно, Вася!

И то правильно, что «проектористы» у тебя — вся комсомолка. И то правильно, что дружинники у тебя — тоже «проектористы». И то правильно, Вася, что, хотя и многое сделано, сделать предстоит еще больше: впереди уборка, потом новый сев, новая весна, а весна на весну не похожа, а каждая весной у нас — наступление.

Так и надо держать: из наступления в наступление. И пусть, если этого потребует наше большое общее дело, тебе всегда приходит на память твой собственный лозунг: «Иду на конфликт!»

Кустанайский обл.
Совхоз «Краснопартизанский».

Транспорт переводит дыкание...

то было несколько лет назад.

Я готовила работу о творчестве Тютчева. Мне хотелось доказать, что вопреки широким распространяемым мнениям поэзия «преддворца» и «чистого лиризма» прогрессивна. Всей вниманием, всей фантазией требовала эта увлекательная работа. Почему-то потребовалась она и поездка в Старый дом деда.

Утром, потвердившись от времени дом в приставленном предмете почти не изменился. Только не замечая а прежде его причудливой планировки, этих запутанных переходов, этих темных чуланов. Да, дом не изменился. Зато сад... Старый сад, юркость деда! Те же руки, что полвека назад бережно высекали ардуки из дерева, ударяли топором по стволам красивых сосен, и пошел сад на дрова в страшные военные зимы... Нескольким берез да кукушки черемухи росли последние листья на грядки с торчавшими колючими расквашенными дедами. В тени у забора лежал нестарившийся первый снег.

Что привело меня сюда? Детские воспоминания о томике Тютчева — полуромановые, полувоспоминательные воспоминания? И сам деда, в своем углубленном посвящении этого дома для моей работы, но чужеством, что иначе мне не поддается в ней до страстности, до прубицистичности...

Деда и многих других, связанных с этим столь знакомым мне домом, давно уже не было в живых. Теперь здесь обитала старая-престарая старуха казачка то гласная, то расквашенная деда. Рискнул из моих банкнот, но деда не знал ее хорошо. Было старухе на вид не меньше сотни лет. И вот я ее gost.

На столе отставлено старинный самовар, состоящий сплошь из архитектурных издешетств. Он поистовителен, всхлипывая, и так уютно пить из него чай со старым, заселенным, по лупитам мажорановым вареньем. Хрустальная сахарница с отбитой ручкой, тжевые стержень серебряные ажурные в стаканах, зеленая медная посуденка... Лаубочка старина! Что я ищу здесь и кто я надуваю?

Большой сибирский кот лезно потнулся в вязком старинном кресле — и пушистый клубок ниток, бесовство сплутува на пол, ствиза за собой едва начате старукино вязание. Под вязанием открылся переплет книги — массивный коричневый переплет издания прошлого века.

Томик Тютчева!

Сказал он мне как существова на самом деле? Такой же переплет, такой же формат... Нет, это оказался Азасков. Но теперь я уже не сомневался — книга была из библиотеки моего деда. Значит, память не ошиблась? Значит, это не позднеиме домцасы фантазия?

...Возвраще мичитания раннего детства! Что может изгаднить их в памяти? Я радее теснее в доме деда, но помимо подробностей жизни в нем, но одна картина запомнилась навсегда.

Маленькая полутемная комната на верхнем этаже до потолка заставлена книгами в добротных переплетах, так что нигде не видно стен. В глубоком кресле сидит дед, высокий, прямой, в железных очках, и читает, далеко оставив книгу. Там, в задней комнате деда, и изучался я ценить книгу, любить слово. Там впервые столкнулся с поэзией Тютчева.

Визну, на этажерке, мне попалась книга с деревянной надписью. Шестиэтажный трамвай, слишком рано познанный звуку складывать буквы в слова, я с трудом разобрала неровный старческий почерк: «Мирозаужаемиому Ивану Александровичу Тютчеву в библиотеку деда». Былою первую тяжелую книгу, которую удобней было нести, я помчался наверх к деду.

Дед болно хвалить меня за руку и, осторожно разжав мои пальцы, отобрал книгу.

Что ты сделала? Разве можно так... Руки его тремелись. Он посидел минут сорок на колени и объяснил, что надпись на титульном листе сделана рукой самого Федора Ивановича Тютчева и что книга эта — величайшая драгоценность. Дав книгу самой раскрывать там, где она, видимо, привыкла раскрываться, он торжественно прочел. Не гадай в текст:

Взойдешь ли ты когда свобода,
Блеснет ли луч твой золотой.

— Ты поняла? — спросил дед. — Не поняла, где тебе!

Дед поставил меня на пол, а полумертвый садом, и я убежала в сад, в теневисте нардно административных сосен и непролазных зарослей лесной смородины. Иные впечатления переживала я в саду, может быть, более сильные. Но стихи, прочитанные дедам, запомнились.

Так было в далекие годы детства...

ТОМИК ТЮТЧЕВА

А может, и не было! Может, все это я придумал поэзией, глотнув тресмерную утку художественной литературы и вспоминая потом как бывшее сам доверия в красивую выдумку; и в стихи, и в томик Тютчева, и в танцевальную библиотеку деда! Танцевальную, потому что уже в десятилетнем возрасте я вновь побывал в этом доме, и притененная комната оказалась тесной выморкой с грязными стенами, столами в ней два этажерки с двумя асканками книг — и ничто романтического, ничего загадочного!

Вот что было в далекие годы детства.

А теперь мне нестерпимо хочется выведать у моей столетней собеседницы, что же произошло с библиотекой моего деда, страстного книголаба, кто такой Иван Александрович, где томик Тютчева с с деревянной надписью и вообще, почему все это так волнует меня?

Старуха оказалась разговорчивой и памятливей но по годам. Каких только была и неблизки связанных с моим дедам, но вспоминала она! Но ничего, что касалось томика Тютчева, так и не рассказала. Среди ее историй запала мне в память одна.

...То случилось незадолго до революции.

Как-то вечером собрался в роше над рекой под видом холостяцкий гуляния члены большевистского комитета — рабочие железнодорожного дела, типографы, кожевенного завода. Важный вопрос решался — о предстоящей перемойской демонстрации. Был там и мой дед, хотя не в чехе работала — служила в конторе.

Высадели комитетчиков жандармы, оценили роши — никому не уйти. Самшю, застисели наши постовые с одного конца роши с другого. Плохо дело. Единственный выход — брестись врассыпную. Кто спасется, продолжит работу. Нахмурился партийный секретарь.

— Нет, — говорит, — этого мы не можем себе позволить. Здесь среди нас товарищи из центра. Не имеем права рисковать.

И все потакаяло на товарища из центра. И хоть бы он запротестовал, что ли, или смутился, что о его терпение такая забота проявляетса! А он спокойн, деловито зток и говорит:

— Подумать надо, товарищи! Безвыходных положений не бывает... И сразу повалил все действительно, можно что-нибудь придумать, действительно, очень нужной для дела это товарищи.

Бабы узнали уже, что окружая рошу жандармы. Стоят в проулке, платки стиребит. Вот-вот перестрелка начнется. А там — дело известное: стинет снайек, оставит вдовую долю да сироток, упешившихся за подала. Ох, как знаком им это быкая дело! Не первые они и не последние. Да не покажут себя при мучительных комитетские жены. Неадине слезами изойдут.

И началось кутерьма! Темно, ветрено, а рошица редкая, сквозная, несколько дюрор к ней примыкает, бьале на веревках мечется — и затропато выстрелами рошица. Постреляли — утихло. Через полчаса прошан проулок жандармы, замь, молчаливые и никого не было из комитетчиков. Стырпик посмывался в зыбки: ушли наши молодцы! А бабы... Платками бьале. Впервые в лицо жандармам плакали комитетские жены, но скрывали слез, торжествующих слез.

Куда исчезли комитетчики с товарищами из центра, старуха не знала.

— Как под землю провалились. И дед твой с ними, — закончила она свое рассказ.

Подождал губы, старуха задумчиво глядела в окно. Там, за новоским забором сада, червня радужие столбы дожились до наших дней основной роши.

Нис с чем уходить я из старого дома. И хоть старуха поведала немало любопытного, все это вошло не касалось моей работы над Тютчевым. Впрочем, дала она мне адрес старого товарища моего деда, бывшего рабочего дела.

— Он-то уж все знает, — заявила старуха. — Он тебе все доподлинно изложит...

Рабочий день управляющего делами Совнаркома Николая Петровича Горбунова начинается с просмотра корреспонденции. Как всегда, секретарша уже отобрала для него большую стопку самых важных писем, телеграмм, сообщений, поступающих из различных уголков земного шара.

Писали отовсюду: из Архангельска и Лондона, Парижа и Владимира... Писали люди самых различных возрастов и профессий. Одна мысль, одно чувство объединяли их: тревога о здоровье Ильича. Уже много месяцев мир живет этой тревогой: тяжелый недуг приковал Ленина к постели, оторвал его от руководящих страной. Лучшего доктора Ленин, но болезнь не отступает. Не прекращается и поток писем.

Вот и сегодня, 11 июня 1923 года, секретарша с них начала просмотр корреспонденции:

— Владимир Ильичу — из Вологды, Якутска, Нарыма, Марсела, Газану... На лице Николая Петровича проступило несколько улыбок:

— Да, Ленин... На перлном голубом конверте, испещренном десятком почтовых штампов и печатей, чья-то твердая и уверенная рука вывела:

«Николаю Ленину. Председателю Советов Народных Комиссаров СССР. И чья-то рука, в графе «адресат»: «Газан, Куба».

В записке, приложенной к письму, Центральная комиссия по борьбе с последними годами сообщает, что в далекой Кубе создан Комитет солидарности с русской революцией. Разделяя цели и идеалы социалистической революции, возмущенные иностранной интервенцией против Страны Советов, неизвестные кубинские друзья организовали у себя на родине сбор средств для борьбы с голодом и для восстановления разрушенного в мире рабоче-крестьянского государства. Миллионы марок собрал в те дни «Комитет помощи России в Газане». В конверт было вложено два банкнотских чека, выписанные на имя Ленина...

Эти документы были обнаружены недавно в одном из Центральные государственных архивов СССР. К сожалению, в них ничего не сообщалось ни об истории «Комитета помощи России в Газане», ни о судьбе его организаторов.

Но не было бы, они эти люди, протянувшие руку помощи первому пролетарскому государству? Рабочие Газаны? Крестьяне, батраки трудовых плантаций или сборщики убогих денег восточного тропического...

Мы не знаем их имен. Но одно ясно — это были друзья. Не многие из них понимали слова «диктатура пролетариата», но все же понимали, что такое «свобода анки». Ведь 1917 год был для кубинцев

В. ПРОКОПЕНКО

не только годом Октября. Американский интернационал, готовясь к интервенции против СССР, одновременно совершил очередную интервенцию против Кубы, высадки в Гуантанамо части морской пехоты.

Продвигая пресса монополий прилагала большие усилия к тому, чтобы скрыть правду о нашей стране, о социализме. Стремись загнать неосоздавшегося читателя коммунистической опасностью, буржуазные газеты под аршинными аглазами ежедневно сообщали латиноамериканцам все новые и новые «достоверные» подробности о зверствах большевиков.

Мог ли поверить в это народ

Кубы? Той Кубы, которую американские журналисты в своих газетах цинично называли «публичным домом»?

Нет, не мог! Невозможно было скрыть от кубинцев правду о нашей стране, о социализме. Яркое свидетельство этому — письма простых людей Кубы, документы здравоохранения советско-кубинской дружбы. На эти письма, посланные в нашу страну в годы первых советских пятилеток и коллективизации, в дни Великой Отечественной войны, мы натолкнулись, когда делали попытку припродать заветы над историей полученных на имя В. И. Ленина двух банковских чеков.

В отличие от старухи змур и неразговорчив оказался старый железнодорожник. Несколько фраз о работе комитета, о демонстрациях и забастовках вот что ему удалось сказать. Сидел молча, как ледовое оружие, и молчал даже. И тут решился и рассказать ему эту самую историю в роде. Ожидая дед, забегая по комнате, и не то воспоминания на него нахлынули, не то стеснение прошло... — выложил он мне вот что.

... — Не раз спускал комитетчиков эти рожа. Была у нас, видите, свой секретарь. Только комитет не знал его имени.

Чрезвычайной важности задание выполняла тогда комитет — надо было организовать свою большевистскую типографию. Избу подобран уже, подальше вырван, надежного человека нанял. А шрифты и все необходимое взялся доставить товарищ Антон, тот самый товарищ из центра... Тут шрифты везла на пароходе от Красноярска. Не дремлет станция, пригрозившая машинист, соскочил с паровоза товарищ Антон и помощник его, своей чепухе, надежный, правды из служащих. Соскочили, и ну по откосу вверх карабкается, к роже. Дед, видно, следил за паровозом. Писарю жидычаров бросилась за ним. Стрельба не стреляют, а наклонот поменьше. Тут уж не о собственной жизни думать приходится — ответственное партийное задание выполняла наша.

Странный человек, товарищ Антон С виду интеллигентный и неприкосновенный, зато как деа делал — ах, какой это железный был человек! И пенсиями-то оброну где-то, вода бежала, а как долов оружием сбросил! Едва вылезал наверх, выхватил из пистолета и выстрелил. Жан-дармы — это было. Когда же через минуту подняли головы — наших и след простыл.

Да на этом дело не кончилось. Стали садиться за рошею, все, бывало, бродит по ней переметом, вынюхивают что-то. А тут товарищ Антон с помощником своим совершил ошибку, вынул из пистолета патрон, выскочил, и раскалили по городу. Остаток тиража надо было по железной дороге развезти.

Поздно ночью спускался товарищ Антон к станции по откосу и попал в засаду. Ранная его в лапач. А листочки на груди лежали, под рубашкой. Мы потом так и раздавали их людям, эти листочки, кровью обмытые, и они любил и редко без его без Некрасова стихов листочки писали. И что-то плакали, — тогда от извергов наш Антон! Выскракался обратно наверх, под пылуи лампаду в кусты — и был такос...

Вот какая это рожа. С заслуками.

Долго он болел, маялся без дела и все просил, чтобы книги его принесли к нему, в котором раньше жил. Как-то раз книжный человек был товарищ Антон. И князя у него заместители были с надписями да с авторграфами. Отец его, известный народник, со многими писателями и разными там десятками друзей, вот и дарил он народнику свои книги. Уж как берет их Антон Иванов! На этой почве на книжной совласси они с человеком, который правду ругают огу ства.

И назвал старик фамилию моего дэда.

— А Тютчев? — нетерпеливо спросил я, прежде чем сообразил, какими словами может возникнуть мой вопрос. Однако старик не унывался.

— Был там и Тютчев, отменно знал. Потому что Тютчевы любили они любовь и редко без его да без Некрасова стихов листочки писали. Да! — изумился я. Но старик, видно, не так поэма мое невольно вырвалось восклицание.

— А что, пост очень даже народный. И Владимир Ильич любил его, даже памятник в Москве поставить хотел, отчаяно знаю. Да вот сами взгляните...

И, имея трясущийся от волнения рукой старенькие очки, он начал рыться в пыльной потрошальной папке, вывазанной из комоды. Через минуту и держал в руках пожелтевшую листовку с неровно набранными буквами. Закачивался она словами:

Взойдись ты же тогда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой!

На первом нижнем уголке листовки, захватывая последние слова обеих строчек, расплывалось небольшое коричнево-красное пятнышко.

Вот такие две истории узнал я несколько лет назад...

Давно закончена работа по позиции Тютчева. Захватили, ажурными другие интересные дела, и начали бегать в памяти образы старого железнодорожника и столетней старухи. Забылась и моя просьба к ней — звонить, если что...

И дума, история с томиком Тютчева кончается на этом.

...Знаю незнакомого человека. Меня просили срочно приехать к дому дэда.

На окраине роши прокладывали газовую магистраль и наткнулись на подземный ход. Он привел рабочих в подземелье под старым домом моего дэда. Толстая антикварная дверь была на замке. Из подземелья вверх шла керемическая труба — теплая.

Позвали старуху, хозяйку дома, и соседей, сорвали замок. Когда увидели довольно обширную комнату, сплошь заставленную полками с книгами, так что князе не видно было стел, старуха послала позвать меня.

— Здесь было сотни томов. Устойкой силой почти окаменевшей пылью попортила книг, сырости не было; остротная система отопления продолжала действовать. Подвешенный земной медяи стол на столе. Свеча на дотгоре, и казалось, необычный этот человек, с бородой кинешником и в пенсне, и мой дэд, тогда еще молодой, как на старой, выцветшей фотографии, только-только вышел отсюда и унесся с собой книгу светочувствительных листовок со стихами Тютчева или Некрасова.

В уголке обнаружился цинковый ящик с остатками шрифты. Томик Тютчева лежал поверх остальных книг, а в стола в яду, как все. Дарственный наделис Ивану Александровичу хорошо сохранился. Томик все еще сам собой открывался на той же странице...

Подземный ход, ведущий в подземелье под старым домом дэда, оканчивался в роше, в десятке метров от откоса. Вход в него был прочно завален камнями.

Выходит, не обидится память, не обманут впечатления детства!

Все книги — а среди них было несколько с редкими авторграфами — мы со старухой-хозяйкой передали в библиотеку. Только томик Тютчева я оставил себе. Пожелал...

«У меня в библиотеке,— писала в Москву 12 апреля 1930 года кубинка Марибелена Сабас Алома,— на таком жеждном месте стоят книги таких писателей, как Достоевский, Толстой, Федор Гладков, Константин Леонид, Плеханов, Катаев, Маркс, Ленин... О России у меня собраны все книги, какие я только смогла достать. Я с огромным интересом слежу за гигантским трудом советского народа. Буду очень благодарна вам за все информационные материалы о русской женщине, об избирательном праве в новой России, системе заработной платы, социальном положении словес назначения, а также по детскому вопросу и т. д.»

К письму приложен список кубинских литераторов, которые хотели бы получить советскую литературу, книги, газеты, журналы.

В 1930 году молодежь Гаваны образовала группу Маяковского. Возбуждая поэзия Маяковского—певица и страстного трибуна революции—повелевался у кубинцев всеобщей любовью. Но, конечно, не только и не столько поэзия интересовала их. «Большой интерес для нас представляют материалы о пилотах для перелета из Гаваны в Москву, о грандиозном марше социалистической родины, которая поможет и нам навсегда избавиться от капиталистической системы»,—говорит в письме Р. Педро Лопес.

Среди книг, которые авторы писем просит прислать из Москвы, чаще всего называются произведения Ленина и воспоминания о нем. «10 дней, которые потрясли мир» Джона Рида, литература о коллективизации, о пятилетке.

Пятилетка... Помогите, нет среди этих писем ни одного, в котором не было бы этого слова. И это не случайно. «Черный понедельник» 1929 года принес нищету и голод десяткам миллионов людей капиталистического мира. Обанкротившиеся предприниматели закрывали шахты, рудники, заводы. Прирак безработицы стал злободневным кошмаром каждой кубинской семьи, каждого брата и рабочего. Взоры трудящихся Кубы были обращены в эти дни к Советскому Союзу— единственной в мире стране, не знавшей кризиса.

Нельзя без волнения читать письмо простого гаванского рабочего товарища Акема Сабра. Скупыми, бесхитростными словами он просит разрешения приехать в нашу страну, чтобы своими рабочими руками строить социалистическую индустрию.

«Прочитав в некоторых книгах, авторы которых посетили СССР, о том, что там требуются техники по разным отраслям промышленности для выполнения великого дела индустриализации вашей страны, я решил предложить вам свои услуги в качестве техника—специалиста по токарному делу.»

Тридцатые годы писали немало страниц в историю многострадального острова. Власть в стране завладел ставленник американского монополия, кровавый диктатор Манчедо. Прогрессивные, демократические силы Кубы неспроста подвергались политическим преследованиям, расправам, репрессиям. Даже простое упоминание таких слов, как «Советский Союз», «коммунизм», «Ленин», грозило людям жидкой травлей, а то и тюрьмой. Каким негасимым мужеством, волей, любовью к нашей стране должны были обладать они, чтобы смело и открыто выражать свои симпатии Советскому Союзу! Подвергавшись преследованиям, но не сдаваясь,—писали в Москву трое кубинских юношей, сообщавших о своей полной солидарности с идеалами, которыми живет Советский Союз. Они наделись создать на Кубе Общество по изучению истории и экономической связи с СССР и целью этого общества ставили пропаганду «свободы и равенства, которых так не хватает широтам, где процветает империализм». Вот имена авторов этого письма: Нардос Фернандес, Мануэль Лианерс, Хуан Пласо.

Больше всего кубинскую молодежь восхищало невероятно быстрое превращение когда-то отсталой полуоконченной царской России в передовую индустриальную державу мира.

Кубинские товарищи делились с советскими людьми всеми своими радостями и бедами, сообщали о суровых буднях своей героической борьбы:

«Вчера мы отметили день 1 Мая, но без торжественного собрания»,—писал в мае 1931 года Альфред Гонсалес.—«Во всем городе были расставлены полицейские посты. С глухой стеной сообщают, что во время столкновения с полицией был ранен один наш товарищ, русский по происхождению».

Русский человек в Гаване... Кто он? Мы не знаем ни его имени, ни имени, от которого его от родины. Может, один из тысяч русских крестьян, покинувших Россию в начале века из-за непосильной эксплуатации царских чиновников и помещиков и решивших искать счастья за океаном в «счастливой Америке». Горьким оказалось хваленое американское счастье: заморский рай на поверку оказался адом...

1 августа 1923 года Кубу охватила всеобщая стачка. Она была направлена против тираны Манчедо и против тех, кто не установил, кто десятилетиями грабил и эксплуатировал народ Кубы—американские империалисты. «Куба»—да кубинцев—такое был лозунг народа. Американские монополии не смогли спасти своего ставленника—диктатура Ма-

чедо была свергнута, американский холуй бежал из страны...

Советский народ с глубоким вниманием следил за мужественной борьбой кубинских трудящихся. Вот строки из послания рабочего класса нашей страны рабочему классу Кубы—из документа, который когда-нибудь непременно займет свое почетное место в будущем МУЗЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ:

«...Мы рады случаю установления связи со своими классовыми товарищами—сельскохозяйственными рабочими Кубы—и готовы поделиться с ними своими успехами.

«...Листите нам, товарищи, о вашей борьбе, о вашей организации, о положении рабочих...»

Год от года крепла дружба трудящихся Кубы и Советского Союза. Когда телеграф Гаваны принес первое сообщение о вероломном атаке гитлеровских полчищ в СССР, по всему острову прокатились главные волны народных митингов и манифестаций. В многочисленных письмах, петициях и телеграммах, поступающих в те дни в правительственные учреждения Кубы, в редакции центральных газет, неизменно звучали слова: «Никаких отношений с держа-

вами осей! Все силы на борьбу за открытие второго фронта, на уничтожение фашистской гадюки!»

И снова, как и в первые годы Октября, как и в дни американской агрессии, на Кубе были созданы комитеты помощи Советскому Союзу. Они возникли всюду: на фабриках и заводах Гаваны, в рабочих поселках с торными садами и на плантациях сахарного тростника, в колледжах и университетах.

Вот письмо простого кубинского крестьянина Доминго Чинера Корреа, посланное в Москву в незабываемые дни 1941 года:

«Героическим борцам Красной Армии и Флота!

Братья и товарищи!

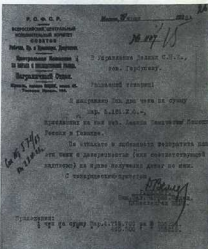
Вместе с этим скромным подарком посылаю мой привет вам, достойным борцам за свободу всего мира...»

Мы, безземельные крестьяне этого маленького острова возле американского континента, не имея возможности расписаться с оружием в руках против нацистских варваров, общим путем, дорогой братья, что вышлем с целью наш долг солидарности со всеми народами, которые борются против нацизма, и разгромим внутренних фашистов и коллаборантов, которые организуют заговоры против нашей родины.

Я посылаю этот пакет с лезвиями для бритья и, кроме того, передаю в местный комитет помощи Советскому Союзу 10 фунтов табаку...

С революционным приветом Доминго Чинера Корреа.

Прошли десятилетия. Много изменилось в мире. Давно рухнул в небывшие тысячелетия рейх. На западе Европы выброшен последний лакей американского империализма на Кубе—кровавый палач Багря. Новое солнце восходит над латиноамериканскими континентами—солнце социализма. Оно уже поднялось над прекрасной землей героической Кубы.

Письма Центральной комиссии по борьбе с подделыванием золота и управляющему делами Совнаркомом Н. Г. Перубовичу с сообщением о дар кубинских друзей и с просьбой заверить на банковских чеках подпись В. И. Ленина.

Кристина Бодешина,

актриса киностудии «Деа

Несколько дней назад посетили меня два замечательных артиста — Олег Омарганесов и Мария Планина в ближайшее будущее. Я сообщила им, что избрана депутатом на VII съезде Союза свободной молодёжи. Оба удивились. — Мы думали, вы артистка! Потом они рассказали, какие дела и предприятия, сколько у них друзей-коллегистов и пар-туфлей. При-

Хайтун Калай,

писатель, почетный гость съезда

Излучало, что большинство побитал поэзии у нас молодая поэзия, как и сами наши поэты. И между тем, кто слушает стихи и кто их пишет, и слушатели любят от поэтов конкретности — и стихи становятся

Они спрашивают, как будет выглядеть человек? Над чем в будущем

станут смеяться, о чем плакать? Что будет тогда добром, что злом? Почему у нас сегодня некоторые чувства так высоки, а другие так низки? Почему так много несправедливостей? Поэт должен сказать, как будет выглядеть человек завтрашнего, и какой же истинный талант может остаться глумом и титим.

Во всем мы боремся теперь за лучшее, высшее качество. Наш хлеб, наши машины, наша одежда должны быть такими. А разве стихи не должны

в Центральном Совете ССМ я принимал участие в подготовке всех крупных вечеров поэтической лирики, был членом жюри поэтических конкурсов, выполняю неважные. Мы же должны защищать высоту нашей классической поэзии и достигнуть в ней новых высот. И наш долг — показать правдолюбцам из молодёжи элленотерманизм нашей культуры. У нас не писали столько поэзии, честных стихов. Однако подлинная поэзия создается тем, кто искренне учится у работников, кто знает самый лучший язык, что является самым лучшим средством обрывается своей политической противоположностью и в лучшем случае вызывает одну лишь скуку. Поэт на момент быть уникае историей

Гюентер Вольф,

рабочий завода химических стержней

Меня е наз Отому не перестаю урвать, что есть еще среди молодежи гение, таланты замечать. Для тех парнишек зрелая — лучшее место на свете.

Нужно сказать каждому: независимо на каком участке ты трудись, каждый должен свое собственную лепту в строительство социализма. Я чувствую себя настоящим человеком, когда уложу после смены от одного до другого человека. У меня горняк немало. Это самое главное в жизни! И потому нет для нас молодых, более важного дела, чем укрепление социализма в республике.

Г О В О Р И Т С М Е Н А Г Е Р М А Н И И

Более 2 тысяч делегатов обдумали на VII съезде Союза свободной немецкой молодёжи подписание мирного договора с победившим народом Германии. Они учли интересы миллионов за рубежом живущих немецких солдат и офицеров, которые, как и все мы, должны работать за построение социализма. Этим они выразили желание отнять все свои силы, энергию и таланты на строительство великой коммунистической Германии. На них тоже важно, чтобы мы и мыслители коммунистической Германии и Демократической Республики.

Дети до шестнадцати

Директор интерната в Риге, Александр Корольев Ригер, в штате Канас (США) был вне себя от ярости: опять эти проклятые юнцы, наславшие страхи по всему канас! Простые враги в Риге Ригер

Батька. Но, когда слушал тех, кто рассуждал: немцы — это враги, теиной мудростью в голову и стал в солдатом национальной Народной армии.

Волфганг Фридрих, секретарь национальной Народной армии

Волфганг Фридрих,

секретарь национальной Народной армии

ЧЕМУ УЧАТ ШКОЛЬНИКОВ

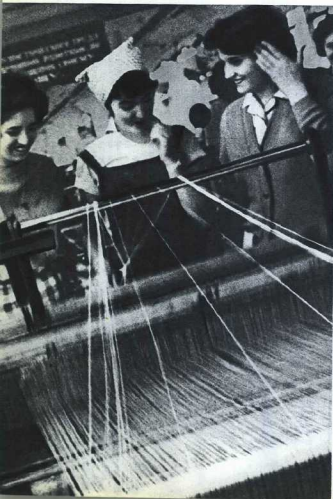
Западноевропейский старинный журнал «Париж» приводит выдержки из разных школьных журналов и рассказывает о том, чему учат школьников. Самый важный школьный предмет — религия. В большинстве школ детям говорят, что они должны верить в бога. В Бразилии доминирует слушание своих родителей, что это вполне достаточно, чтобы доказать, какой дух наследует в школах Фрэн.

Эстения достает из альбома чуть посетивший от тропического солнца снимок. — Взгляните, вот они, наши боевые девчата. А теперь угадайте, где я? Правильно, в первом ряду, третья слева. Это я по ратушу попала в первый ряд. На ее курсе в Харьковской текстильном техникуме много девачат повыше Эстении. Но и здесь она в самом первом ряду.

МИШИНАЮ ДА ПОШТУ

Фото В. МИШИНА

Я хочу рассказать вам о Кубе. Нет, я не была на легендарном острове Свободы, просто я хотел бы передать вам то необыкновенное ощущение душевной близости наших народов, которое открылось мне в судьбе одной кубинки. Ее имя Эстения дель Марнен Гарсия Франко. Вместе с группой земляков она приехала и нам в Харьков учиться. Она думает среди нас недолго, но чувствует себя так словно не покидала родины.

— От ее домика до моря всего один квартал. Вечер над Гаваной тих и теплый. Последнее луны багрового солнца пробегает дорожкой по барашкам налегающая дачурка, как зачарованная, смотрит на колоссальный закат. Это Эстения. Она любит смотреть на море. Любит всматриваться в волны, свободу и силу. Ей нравится подставлять ветру лицо.

Шли годы, и маленькая Эстения стала взрослой. На долю ее поколения выпало большое счастье: инакше первые иериния в фундамент новой жизни Родины, строить социалистическое общество, начало которому положила революция. Но постоянная угроза агрессии, диверсии контрреволюционных провокаций требуют высокой боевой готовности. Революции нужны все, кто может носить оружие.

Надела военную форму и

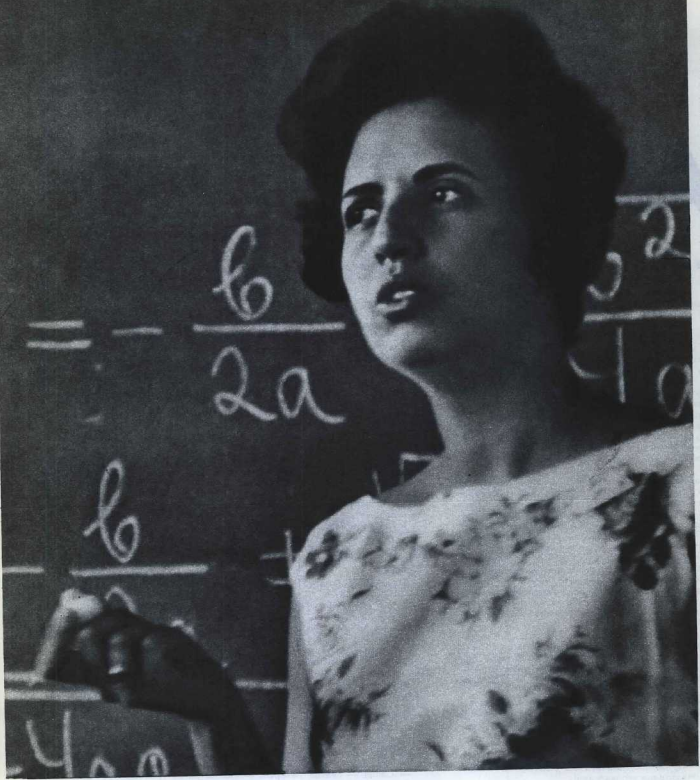
Эстения. Много было потом сформировано на Кубе женских батальонов, но Эстения вступила в самый первый. Он получил имя национальной героини, павшей смертью храбрых в революционных боях. Это 1-й женский батальон имени Тинди Досе. Все в батальоне хотели быть похожими на Досе.

Мы все стремились на передовую, — рассказывала мне Эстения, — но так уж получилось, что наша часть патрулировала только в Гаване. Позже девушки поняли, что судьба революции решалась везде: и на Плайя-Хирон, и в Гаване, и в любом другом месте. Вся Куба стала теперь единым фронтом. Два года служила я в народной милиции. Двух работала, а вечером шла в свой батальон. Работала в магазине — самом большом универсаме Гаваны. Раньше магазин принадлежала богачу, теперь он народный, наш. И так приятно видеть у прилавков новых покупателей, тех, кто раньше и мечтать не смел о таких покупках.

Эстения быстра, порывиста, она все в движении: то забегает в универсам попользоваться работой своей советских коллег, перемиутиться с ними словом, то ее виднись спецащей на собрание, или в театр, или же в филармонию. Эстения любит народную музыку, стихи и песни.

— Ведь у меня дома дочурка, — вздыхает Эсте-

нина. — Малышку зовут Со-
вейда. Ей четыре года. — Мо-
лодая мать показывает кук-
лы, мячики и другие игрушки.
— Совейда любит русские
игрушки, каждый месяц по-
сылает ей новинки.

Имевт Эстения в общежитии
табачного техникума. Она
учится на первом курсе,
а когда окончит, станет
специалистом по отделке
тканей.

— Еще когда я работала
в магазине, мне всегда хоте-
лось самой научиться де-
лать пряжу, красивую мате-
рино. И вот революция осу-
ществила мою мечту.

Вечером... К Эстении при-
ходит завладин, Мария Ира-
шанч и Лея Емельянов-
ская, которые живут вместе
с Эстенией, тоже рады го-
стям. Милагрос де ла Карна-
да, Рубин Родригес, Мончо
Порфирио Леонардо, Уго Ро-
дригес Лубан — все они про-
шли школу революции, уча-
ствовали в борьбе с импе-
риализмом, служили в на-
родной милиции. Теперь
снова соли за учебники. Это
не так-то легко после боль-
шого перерыва. Но Фидель
сказал: «Надо учиться — та
же революция». Кубе нужны
специалисты, способные со-
здавать для нее самостоятельную
промышленность. И вот
многие снова стали на
пост — они прилежно учат-
ся.

Эстения увлеченно расска-
зывает, как она ездила на
Мерепинский стекольный
завод. Там студентов на
практике знакомили с про-
изводством стеклотканей.

— Это было нам в сказке:
из простого стеклянного
шарика вытаскиваются тон-
чайшие нити, а из них потом
ткут полотно. И всходу ма-
шины, автоматы... Я позна-
комилась с одной девуш-
кой — ткачихой Валентиной
Флейши. Она мне рассказыва-
ла так много нужной ин-
формации, мы стали друзь-
ями.

В тот день, когда я при-
шел в кубинцам, они были
рады моему возвращению.

— По телевизору мы ви-
дели, как в Москве встре-
чают Фиделя — крикнули мне
Уго Родригес.

— Эй, Уго, давай музыку,
включай радиолу!
И комната наполнилась
ритмичным танцевальным
музыкой. Танцевали
вместе кубинцы и наши,
все, кто был рядом. Весе-
лись, как на студенческих
вечерах, когда Мененко игра-
ет на трубе, Уго поет, а
Эстения танцует.

И в тот вечер мне вдруг
представилось, что Куба —
это где-то совсем близко,
что наши отцы и деды пле-
чом к плечу на одной земле
бьются за свободу, что нас
вместе «водила молодость в
сабильный полдень и вот те-
перь мы сообща строим наш
новый, счастливый мир.

В. ТАМАРИН

Четыре секунды из жизни Эстении. Четыре фотографии.
А подпись ко всем четырем хочется дать одну — крепкие
нити дружбы.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение. Начало см. в №№ 11—13.

7

Ходить было трудно. Сильно намагниченные подошвы ботинок плотно прилипали к металлическому полу и для того, чтобы сделать шаг, приходилось делать значительные усилия. Но и магнитные подошвы не давали настоящей устойчивости. Почти полностью отсутствовал вес, и, словно на палубе судна в сильную бурю, люди качались на ходу, принимая самые причудливые положения. Однако и немалосильная на Земле наклон тела не приводил к падению: падать было некуда, Гермес притягивал к себе с инертной силой. Легкое усилие, и человек выпрямлялся, чтобы через секунду начать новое падение. И так без конца.

Подобная ходьба утомляла больше, чем самые длительные пешеходные прогулки на Земле.

А если сбросить обувь, человек мог летать. Ничего не стоило подняться с собой веревкой кромки сферического купола в помещении обсерватории. Для этого нужно было только слегка оттолкнуться от пола. Спуск под действием силы тяжести происходил так медленно, что Виктор Муратов, из любопытства испробовавший однажды такой полет, не испытывал никакого нежелания повторить его. Беспечно висеть в воздухе, не имея никакого нежелания что-либо изменить, было очень приятно.

Виктору вообще не нравилось пребывание на Гермесе, и с яким интересом и даже энтузиазмом воспринимал все окружающее его спутники, и не понимал ни Космос не оказывал на него никакого опротивляющего действия, ни малейшей возможности что-либо изменить, было очень неприятно. Виктору вообще не нравилось пребывание на Гермесе, и с яким интересом и даже энтузиазмом воспринимал все окружающее его спутники, и не понимал ни Космос не оказывал на него никакого опротивляющего действия, ни малейшей возможности что-либо изменить, было очень неприятно.

Еще четверо суток этой жизни — и он будет дома!

Шли последние контрольные наблюдения. Уже больше ста часов Гермес летел по новой орбите, постепенно приближаясь к Венере. А затем он проядет мимо Меркурия и начнет долгие, на годы, полет в глубь солнечной системы, к же окривкам, к самой отдаленной из планет — загадочному Плутону.

Изменение траектории полета астероида прошло в полном соответствии с расчетами. Виктор гордился этим. С Земли было получено множество поздравительных радиogram. Вся планета радовалась достигнутому успеху.

Делано большое и нужное дело!

Но ведь оно сделано. Значит, можно со спокойной совестью покинуть неуютный космос, вернуться на Землю, аяться за новую, не менее нужную и интересную работу. На родине столько дел!

Но, мучный интересом, Муратов хорошо понимал, что осторожность в Гермесе обрывается и необходима. В сравнении с истопическими расстояниями, которое предстояло пролететь Гермесу, уже продолженный путь ничтожен. Четыре проверки по четырем данным наблюдений, произведенные четверью математиками независимо друг от друга, — это полная гарантия!

Но через восемнадцать часов все будет кончено. Легерье знает долгие-долгие слова: «Все в порядке», — и Муратов будет свободен.

Ни за что на свете он не задержится здесь ни на одну минуту!

Он уже мог знать сейчас, что задержится в этом неприятном ему месте на целых трое суток!

Неожиданно, чудовищно неправдоподобно событие было совсем-совсем близко!

Часть, ищущие по-земному, показывали восемь вечера. Была являема ужина. Семь человек экспедиции, инженер Бестон и человек восемь из состава вспомогательной эскадрильи сидели у круглого стола. На Гермесе все же существовала какая-то сила тяжести и были стулья. Можно было принять сиденье положе, но чтобы удержаться на стуле и не качаться при неосторожном движении, приходилось прикрепляться ремнем к сиденью.

Муратов извинился за опоздание и занял свое место.

Кают-компания была расположена с краю огромного дискообразного корпуса искусственного спутника. Потолок и наружная стена были прозрачными. Над головой раскинулось небо черное небо с бесчисленными звездами. Сзади них ослепительно сияла Солнце. Его лучи заливали внутренность каюты, но тепла не ощущалось. Пластмассовое остекло не пропускало инфракрасных лучей.

Космическая обсерватория, бывший искусственный спутник Земли, стоя-

ла на дне глубокой котловины. Со всех сторон ее окружали постепенно поднимающиеся гранитные стены. Горизонт ограничивался кругом около трехсот метров в диаметре. Так как сам спутник имел поперечник в сто метров, глазами открывался ниточно малый «внешний мир».

Муратов вздрогнул при мысли, что восемь человек долгие годы не увидят ничего, кроме этой безрадостной картины. Какую всепоглощающую любовь надо иметь к своей науке, чтобы добровольно обресть себя на такое испытание!

Выбор места для обсерватории был не случаен. Именно такой рельеф местности лучше всего соответствовал целям защиты. Метеоритная опасность, существующая даже для небольших звездонатов, была в тысячу раз более грозной для Гермеса, масса которого притягивала и себя блуждающие в пространстве обломки. Тем более что предстояло пересечь пояс астероидов между Марсом и Юпитером — самое опасное место на межпланетной трассе.

В скалах, выходящих окружая обсерваторию, были вытравлены мощные установки. Какую бы скорость ни имели метеорит, магнитное поле заставит его уклониться в сторону от единственного обитаемого места на астероиде. Потому и возможно было существование сравнительно тонких, прозрачных стенок и огромного купола, под которым располагались телескопы и другие астрономические астрономические приборы и инструменты. Если же встречный метеорит окажется не железным, а каменным, то его отклонит в сторону вихревое антигравитационное поле, дополняющее магнитное.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

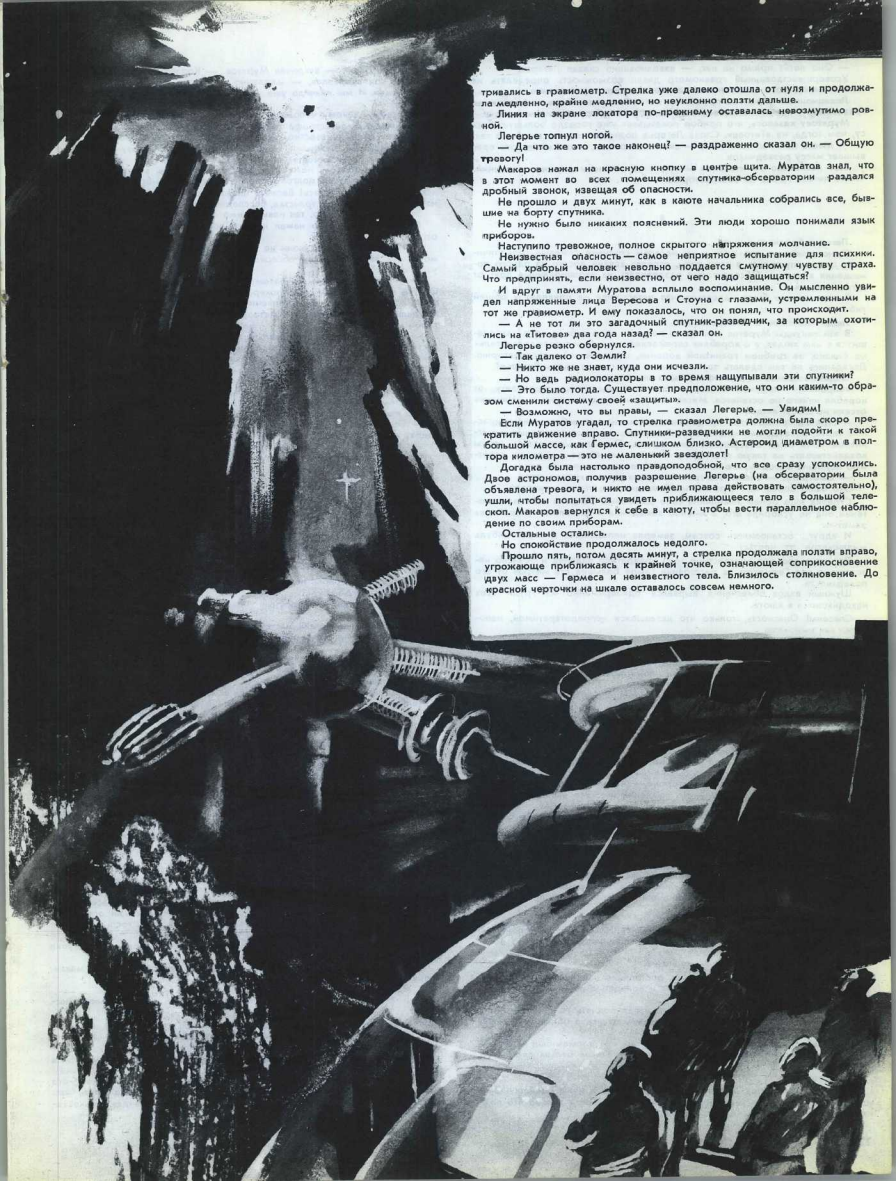
Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

Ученые могли работать спокойно.

тривались в гравиметр. Стрелка уже далеко отошла от нуля и продолжала медленно, крайне медленно, но неуклонно ползти дальше.

Линия на экране локатора по-прежнему оставалась невозмутимо ровной.

Легерье топнул ногой.

— Да что же это такое наконец? — раздраженно сказал он. — Общую тревогу!

Макаров нажал на красную кнопку в центре щита. Муратов знал, что в этот момент во всех помещениях спутника-обсерватории раздался дробный звончик, извещающий об опасности.

Не прошло и двух минут, как в кабине начальника собрались все, бывшие на борту спутника.

На нужно было никаких пояснений. Эти люди хорошо понимали язык приборов.

Наступило тревожное, полное скрытого напряжения молчание.

Неизвестная опасность — самое неприятное испытание для психики. Самый храбрый человек неминуемо поддается спутному вихрю страха. Что предпринять, если неизвестно, от чего надо защищаться?

И вдруг в памяти Муратова всплыло воспоминание. Он мысленно увидел напряженные лица Вересова и Стоуна с глазами, устремленными на тот же гравиметр. И ему показалось, что он понял, что происходит.

— А не тот ли это загадочный спутник-разведчик, за которым охотились на «Титове» два года назад? — сказал он.

Легерье резко обернулся.

— Так далеко от Земли?

— Никто же не знает, куда они исчезли.

— Но ведь радиолокаторы в то время нащупывали эти спутники?

— Это было тогда. Существует предположение, что они каким-то образом сменили систему своей «защиты».

— Возможно, что вы правы, — сказал Легерье. — Увидим!

Если Муратов угадал, то стрелка гравиметра должна была скоро прекратит движение вправо. Спутники-разведчики не могли подойти к такой большой массе, как Гермес, слишком близко. Астероид диаметром в полтора километра — это не маленький звездолет!

Догадка была настолько правдоподобной, что все сразу успокоились. Двое астрономов, получив разрешение Легерье (на обсерватории была объявлена тревога, и никто не имел права действовать самостоятельно), ушли, чтобы попытаться увидеть приближающееся тело в большой телескоп. Макаров вернулся к себе в кабину, чтобы вести параллельное наблюдение по своим приборам.

Остальные остались.

Но спокойствие продолжалось недолго.

Прошло пять, потом десять минут, и стрелка продолжала ползти вправо, угрожающе приближаясь к крайней точке, означавшей соприкосновение двух масс — Гермеса и неизвестного тела. Близились столкновение. До красной черточки на шкале оставалось совсем немного.

— Оно летит прямо на нас, — аволяновым сказал Легерье. Усовершенствованный гравиметр давал возможность определять не только массу, но и направление на нее, а также и расстояние. Показатели экранов по-прежнему не показывали ничего. А судя по гравиметру, приближающееся тело было весьма крупным. Муратов казался, что прибор показывает уже гораздо большую массу, чем тогда, на «Китовое». Слова Легерье подтвердили, что это было так. Масса неизвестного тела, — сказал астроном, — во много раз превышает массу разведчика.

Еще несколько томительных минут, и не осталось никаких сомнений: что-то летело прямо на обсерваторию.

8

Легерье бросился к щиту. Одно движение его руки — и на всем спутнике тяжелые герметические двери опустились в свои пазы, отравив всякий доступ на одного помещения в другое. Обсерватория разделялась на изолированные друг от друга отсеки.

Теперь можно было надеяться, что катастрофа не приведет к общей гибели.

Люди замерли в ожидании... В эти минуты Муратов почему-то подумал не о себе и не о находящихся с ним людях, а о корабле своей эскадрильи. Они стояли сравнительно близко, за гребнем гранитной авроры, скружившей обсерваторию. Догадка ли там сделать то, что только что сделал здесь Легерье? Одавать приказ по радиотелефону было уже поздно.

«Впрочем», — подумал Виктор, — если тело удерит по зведолетоду, от корабля ничего не останется. Масса этого тела слишком велика. Никакие отсеки не спасут обитателей.

Стрелка гравиметра продолжала неутомимо приближение к красной черте, означающей катастрофу. Защитные, антигравитационные и магнитные поля были совершенно бесполезны. Они слишком слабы, чтобы воздвигнуться на такую громадину. Смерть, слепящая и неваляя, вплотную подошла к людям, и они не в силах были предостеречь ее.

— Смотрите! — сказал Легерье, протянув руку к гравиметру. Это было более чем странно, необыкновенно, то, что они увидели.

Стрелка еще более замедлила свое движение. Вопреки законам тяготения она не ускорила его, а именно замедлила и давалась теперь едва заметно.

«Вдруг...» остановившись совсем, замерла неподвижно в каком-нибудь миллиметре от черты.

Это означало, что неизвестное тело прекратило падение и повисло неподвижно над Гермесом на расстоянии самое большее ста метров от его поверхности.

Шумный вздох облегчения вырвался одновременно из груди всех находившихся в кабине.

Спасены! Опасность, только что казавшаяся непредостерегаемой, непонятно как миновала.

— Это мог сделать только управляемый корабль, — сказал Легерье.

— Какими же тогда его размеры? — изумленно воскликнул Муратов. Сомнениями и вопросами. Все, что было непонятно в поведении неведомого тела, становилось вполне понятным, если это космический корабль с мощными двигателями.

Но откуда он мог взлететь? Земля не сообщала о полете какого-либо корабля в этом районе. Любой зведолет давно дал бы свои показания, если бы его командир понадеялся по той или иной причине спуститься на астероид. Его давно бы заметили пилотеры. И, самое главное, ни один из существующих космических кораблей не имел таких огромных размеров и не обладал «способностью» полностью поглотить радиозлучение.

Неизвестный зведолет, судя по его массе, был гигантом, но совсем прозрачный столп каюты ничего не было видно, кроме звезд.

— Он остановился немного в стороне, — сказал Легерье, и его голос заметно дрожал от волнения. — Но сомнений нет. Это зведолет, но НЕ НАШ!

«И еще говорил, когда стрелка гравиметра снова дрогнула и быстро пошла влево.»

Космический корабль удалялся. Зачем же он подлетал к Гермесу? Если неизвестные астролетчики замечали на астероиде искусственное сооружение, они должны были заинтересоваться и постараться выяснить, что же это такое. Но они задержались меньше часа на минуте и улетели. За это время ничего нельзя было хорошо рассмотреть. Пусть не очень большая, но на продолжительный маневр требовалась затрата энергии.

В чем причина столь странного поведения?

Известный зведолет, судя по его массе, был гигантом, но совсем прозрачный столп каюты ничего не было видно, кроме звезд. И люди невольно задавали себе вопрос: не поучилось ли им это посещение?

Легерье нарушил длительное молчание.

— Он удаляется по прямой линии, постепенно увеличивая скорость, — сказал он. — Зачем было замедлять ее и полностью останавливаться? Больше чем непонятно.

Внезапно блеснул яркий свет. То, что успел поднять голову, заметить, как на черном бархате неба, прямо над ним, вспыхнул облаком пламени вихрь удивительного зарила.

Он происходил очень далеко, но именно там, где должен был находиться улетевший корабль. Каюта осветилась мертвенным белым светом на одно мгновение.

И все погасло.

Стрелка гравиметра, словно в бессилии, упала к нулю. Действующая на нее масса, масса космического корабля другого мира, только что подлетавшего к Гермесу, исчезла внезапно, сразу!

— Катастрофа! — вскричал Муратов. — Корабль взорвался!

— Да, он взорвался, — медленно и грустно сказал Легерье. — Это англичанка. И вы никогда уже не узнаете, что произошло на наших глазах.

— И кому, какому человечеству он принадлежал? — догабал Муратов.

Неожиданная катастрофа глубоко потрясла всех. Люди задыхались от волнения. Пусть неизвестно, что находилось в этом корабле, пусть они были существами, чуждыми людям Земли. Это были разумные представители единого человечества Вселенной!

Так близко, так близко, так близко к разуму много мира, вот только что сейчас могла состояться долговжданная встреча людей-братьев! Впервые в истории И не состоялся! Вестник много мира, быть может, прилетевший из далеких глубин пространств, бесследно исчез.

Это было так неопытно, так независимо обидно, так бессмысленно!

Легерье машинально нажал кнопку, восстанавливая сообщение между отсеками обсерватории.

— Но почему, почему они не опустились! — сказал Вестон. — Они не могли не заметить нашу обсерваторию. Почему же они так поспешно ушли от опасности.

— Может быть, именно потому, — ответил Муратов, — что эти существа прибыли к нам из антимира. Они убедились в том, что наш астероид, относительно их, из антивещества, и поспешили уйти от опасности. А удалившись, столкнулись с метеоритом. И произошла англичанка, которой они опасались.

— Ваша гипотеза несостоятельна, Муратов, — сказал Легерье. — Несостоятельна по двум причинам. Во-первых, никаких крупных метеоритов сейчас не пролетало. На том расстоянии, на котором произошел взрыв, не было метеоритов, способных вызвать такую катастрофу. А во-вторых, космический корабль, прилетевший в чуждую планетную систему, должен быть защищен от опасности англичанки. Из какого вещества состоит наша планетная система, они должны были определить давно. Ведь мы встретились с ними не на окраине, а почти что в центре.

— Они могли и не пролетать всю нашу систему, а подойти к ней сверху или снизу относительно плоскости эклиптики.

— Немыслимо. Такое легкомыслие никак не вяжется...

Он не договорил, весь превратившись в слух.

Отчетливый стук послышался со стороны входной камеры — наружной обсерватории.

Кто мог стучать?

Если это был кто-нибудь из экипажей кораблей эскадрильи, ему незачем прибегать к стучку. Существовала сигнализация, и она была известна всем. Да и не мог никто явиться, не предупредив заранее.

«Не входящий в кабину астероида, не предупредив поднялся.»

Одна и та же мысль являлась всем. Стучале существовавшего много мира, явившись с того самого корабля, который только что, несколько минут тому назад погубил!

«Не ведь это кто-нибудь не опускаясь на поверхность Гермеса. Как же он мог выжить в кабине астероида?»

Корабль улетел, и подобный «цесанте» был совершенно бессмысленным!

Стук повторился четкий, настойчивый!

Легерье включил экран наружной обсерватории.

И они увидели.

У самого входа стояла высокая человеческая фигура в скафандре. Обыкновенная человеческая фигура!

Обыкновенная!.

Это было не так! Все сразу заметили еще и другое.

Человек, стоявший у входа, был одет не в земной скафандр!

Вот он поднял руку и явно нетерпеливо постучал металлической перчаткой в наружную дверь.

Значит, все-таки...

Все-таки великая встреча состоялась.

У входа стояло существо, прилетевшее неведомо откуда, стояло и настойчиво просило впустить его!

Трудно передать словами, что почувствовали люди Земли, когда поняли, что ИСМ — один из них!

«ИСМ был один. Может быть, остальные притаялись в скалах, ожидая. Может быть, пришедший не был уставшим в том, какой формой их ждал, и выслал вперед разведчика.»

Но ведь мы некуда деваться с астероида. Высадивший их корабль улетел и погуб. Они не могли не знать этого.

Странно, загадочно, непонятно!

Легерье не колебался.

Наружная дверь раздвинулась. Внутри выходной камеры исплынул савт, пригласив гостя войти.

Он вошел, вошел уверенно и просто, видимо, без всяких опасений.

Начальник экспедиции медлил. Он искал, не покаялся ли остальные. Никто не появился. По-видимому, как это ни невероятно, гость был один.

Наружная дверь закрылась.

Понимая, из космоса находился внутри обсерватории, он вступил в чудный влун мир!

Заработали автоматы герметической защиты. Легерье включил максимальный режим.

— Догодаваться ли он сиять скафандр!

— Должен догадаться. Это же космолетчик. Он сам понимает опасность.

И снова молчание, напряженное, почти мучительное.

— А если он не сможет дышать нашим воздухом?

Никто не отозвался. Эта тревожная мысль являлась всем.

«Итак, уже некуда было изменению. Процесс начался и не мог быть остановлен. Да и куда было деваться пришедшему?»

В выходной камере не было экрана. Невозможно было увидеть, что происходит там. Максимальный режим обработки продлился почти час. Живого или мертвого, но пришедшего из космоса люди увидят только тогда, когда этот час пройдет.

Он тнулся невнимосно.

— Если бы можно было предвидеть такое, — сказал Восток, — там был бы жар!

Еще бы! Если бы люди могли предвидеть появление ТАКОГО гостя, телевизор с выходной камерой была бы сделана самым тщательным образом. А так, в обычных условиях, я ней не был никакой нужды.

Прошло десять минут. Только рассвет.

Камера уже наполнилась воздухом. Дистиллированным, чистым воздухом космической обсерватории, без единой бактерии или микроба.

Но воздухом земного состава!

Как подлетает на гостя это воздух? Может быть, чудом? Земле существо задорожно в нем и, когда откроется внутренняя дверь, люди увидят только колоссальный треп!

— Нет, невероятной! — сказал Легерье. — Он не вошел бы так спокойно.

— Мне кажется, — сказал Муратов, — что я понимаю. Это один из хозяев спутников-разведчиков, кто давно знает нашу планету, знает состав ее атмосферы. И, видимо, она им не опасна.

Такое предположение много объяснило. Но не все!

— Как он очутился на Гермесе? — спросил один из астрономов.

— Очень просто. Спрингун. Прямиком со ста метров вполне безопасен на астероиде таких размеров.

— Но зачем?

— Это мы узнаем от него самого.

Прошло двадцать минут!

Камера Легерье опустела. Хотя до момента, когда открылась дверь, оставалось еще много времени, все, кроме Макарова, собрались перед выходной камерой. Заместитель Легерье остался в своей каюте, у обзорного экрана, и периодически сообщал о том, что он видит снаружи. Но ничего из ряда вон выходящего. Не было никаких признаков присутствия воле операционной других звездолетчиков.

Становилось очевидным, что находящийся в камере пришелец действительно один. Это делало его появления на астероиде двойные непонятным.

— Это кому вы здесь? Зачем он спрыгнул со своего корабля? Почему его товарищи бросили его одного, а сами улетели? Они могли видеть обсерваторию, но не могли знать, есть ли внутри ее живые существа. Обсерватория могла быть давно брошена за ненадобностью, ее могли обслуживать роботизированные автоматы. А в этом случае одинокий человек обречен на скорую и мучительную смерть. Не могли они не понимать этого! А если они знали о скорой гибели звездолета, то почему не высадиться все? Да и зачем было улетать навстречу смерти, если они знали! Но как они могли зная?

Все, все загадочно, все непонятно!

Сорок минут!

На кораблях всеполюстной эскадрильи знали обо всем. Муратов не забыл о своих товарищах и рассказав им по радиочулу о невероятности явления. Там, конечно, тоже возмущались, но не так, как здесь. Ведь приходе из космоса должен был появиться впервые именно здесь, на обсерватории!

Впервые!

Каждый пор себя, они готовились к сверхсенсационному событию — к моменту встречи лицом к лицу обитателей разных миров!

Впервые в истории!

Пятьдесят минут!

Волнение нарастало. А тот, кто находился за толстой, непроницаемой дверью, волновался ли он? Достаточно ли ему подобное чувство?

Он должен волноваться! Нельзя себе представить разумное, мыслящее существо без нервной системы!

Они уже видели, что внешние формы пришельцев очень похожи на формы людей Земли. Но что окажется под скафандром? Ничего не ожидал появления какого-нибудь чудовища. У гостя из космоса была голова, руки и ноги. Он был одет в скафандр, подобный земному. Он, видимо, мог свободно дышать воздухом Земли. Это говорило о том, что планета, бывшая его родиной, однотипна с Землей.

Прошло пятьдесят пять минут!

Еще пять минут!

И такая глобальная тишина (люди сдерживали даже дыхание) шарла вокруг, что все отбуквально услышали, как там, в центральной павильоне, где были сосредоточены все агрегаты управления, щелкнул выключившийся автомат биологической защиты.

Обработка закончилась.

Если пришелец снял с себя скафандр — а он должен был это сделать, — если он думал логически, то ни на поверхности его тела, ни внутри его не осталось уже ничего, что могло бы заразить воздух обсерватории.

А если нет?

Но и тогда не было опасности. Скафандр был чист. Гости жестами объяснят, что нужно снять его, и подвергнуть его вторичной обработке. Долгожданный момент приблизился вплотную!

Легерье, внешне спокойный, но с сильно поблдевшим лицом нажал на кнопку.

Дверь раздвинулась.

Каждый из них представлял себе гостя по-своему. Каждый рисовал в воображении свой облик, подзаданный индивидуальной фантазией. Но все ожидали увидеть космоидеала, одетого соответственно понятию о космическом полете. Пусть не в комбинезоне, как земные астронавты, пусть в самом невероятном по покрою и материалу костюме, с любимыми чертами лица, любого цвета кожи.

Но того, что они увидели в действительности, не ожидал никто! Гость снял скафандр, он догадывался это сделать, как и ожидали.

Мои.

Всеобщий восторг изумления встретил позавания пришедшего.

Перед ними, близко от двери, стояла высокая девушка с коротким, сильно открытым плечом золотого цвета. Густые иссиня-черные волосы

обрамляли ее лицо со странным зеленоватым оттенком кожи. Большие, косо расположенные, очень удлиненные глаза пылали, но совершенно спокойно смотрели на людей Земли.

Она подняла руку открытой ладонью вперед и произнесла мягким, певучим голосом растягивая слог:

— Гий-ань-йя!

9

— Из всей этой загадочной истории самым странным мне кажется ее внешний вид, я говорю о Гий-ань-йя, — сказал Муратов. — Я думаю, что мы увидим такую полноту сходства с земными людьми. Это просто невероятно. И как хотите, но в моем сознании не укладывается, что она живет иного мира.

— А кем иным она может быть? — спросил Легерье. — А кем иным она может быть? — Я понимаю это. Как и все, я вынужден признать факт. Право, не знаю, как вам объяснить, но что-то во мне протезает, даже возмущается... — Тут нет ничего удивительного, — сказал Легерье. — Ваше состояние понятно. Люди привыкли к себе, к мысли, что обитают другие миры не могут быть в томости похожими на нас. Но почему? Вселенная безгранична, и среди бесчисленного количества обитаемых миров должны встречаться любые внешние формы жизни, вплоть до мыслящих плевсиков, как вы называете их в середине прошлого века. Существуют мыслящие организмы сложнейшего и вполне определенного строения, что достижима малая часть вселенной состоит из тех же веществ, из тех же элементов, что и наша солнечная система. Установлено, что планетные системы — повторяю, а доступной нашему исследованию части вселенной — окружают звезды, по спектральному классу подобные Солнцу. Отсюда логически вытекает: если жизнь процветает на нашей Земле, а что такое человек, как не продукт долгого, томящегося долгого процесса приспособления к окружающим условиям. Внешние формы тела не могут быть иррациональными.

Тело — исполнительный орган мозга. Природа выработала органы, наиболее приспособленные и выполнению определенных функций. А природа всегда идет по самому короткому пути. Тело человека — это самый простой из теоретически возможных вариантов. Так почему же на других планетах, где условия жизни подобны нашим, этот процесс должен привести к иному результату? — Но тут не подобие, — сказал Муратов, — а полное сходство. — И это не удивительно, — я с самого начала был абсолютно убежден, что мы увидим ЧЕЛОВЕКА. Так и оказалось. И вот почему я был в этом уверен. Я разделяю вашу точку зрения. Корабль, который подлетает к Гермесе, принадлежит именно космическим разведкам. Они знают и знают условия нашей Земли. И они решились в данный момент, невзирая на какие бы то ни было причины, высадить на астероид члена экипажа своего корабля. Мы не знаем, зачем они это сделали, но можем быть совершенно уверены в том, что они не сомневались: их товарищ найдет общий язык с нами. А такая уверенность никак не могла возникнуть, если бы мы и они были подобны! — Все это так, — с оттенком досады заметил Муратов. — Но вы говорите: подобие, подобие... Откуда же не подобие, а абсолютное тождество? — Вас смущает, что Гийаня — копия земной женщины, и притом женщины белой расы. Так ведь! Давайте подумаем к вопросу с другой стороны: вокруг нашей планетной системы. И обнаружены несколько населенных миров. Пусть обитатели этих миров различны по внешности. Есть совсем непохожие на нас, есть подобные нам. А есть и совсем тождественные. С кем же мы свяжемся первыми? С кем произойдет первая встреча? — Значит, все-таки это случайности!

— Да, но ничего странного я здесь не вижу. Скажу более: я был бы очень удивлен, если бы случилось иначе.

— По-вашему, они имели вырост?

— Похоже на то. Но может, конечно, и так случится, что они и не имели выроста. Просто первая из населенная планета, которую они нашли, оказалась населенной одинаковыми с ними людьми. Тот факт, что Гийаня свободно дышит нашим воздухом, доказывает тождество Земли и ее родники. А такое тождество, по моему глубокому убеждению, не могло бы существовать в принципе. Если бы обитатели вселенной, я говорю о звездах класса нашего Солнца. У других звезд планетных систем не обнаружено. С их стороны было совершенно естественно и логично искать населенные миры воле звезд, подобных их Солнцу.

А чем вы объясните зеленый оттенок ее кожи? — спросил Муратов. — Легерье улыбнулся.

— Вы сами понимаете, что на это вопрос я не могу ответить сейчас, — сказал он. — Происхождение зеленого оттенка выяснится, когда Гийаня обследует медиком. Если они согласятся на это.

— Если согласятся? — удивленно спросил Муратов. — Как можно даже допустить возможность отказа?

Несколько минут Легерье молчал.

— Вот что, Муратов, — сказал он наконец. — Я рад, что вы заговорили обо всем. Я не хотел ни с кем делиться своими наблюдениями, чтобы не создавать впечатления, которое могло оказаться ложным. Но из-за моих требований эту тему... Скажите, вы не заметили в поведении Гийаня ничего особенного?

— Я заметил только, что она держится с поразительным спокойствием. В ее положении это даже неестественно.

— Да, конечно, держать в таком мире, среди чужих не только ей, но и всему человечеству, к которому она принадлежит, людям и держать себя так, как она, неестественно. Вы правы. Но мне кажется, что тут другая... Легерье в волнении прошелся по каюте. — Очень бы хотелось, чтобы вы доказали мне мое неправоту. Буду говорить прямо. Вам не кажется, что Гийаня держится не спокойно, а высокомерно!

Продолжение следует.

Трижды выжил... Мы ждем...

Капитан 1-го ранга Ф. В. КОНСТАНТИНОВ

НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ К ПАПАНИНЦАМ

В конце января 1938 года всю страну взволновала весть о том, что четверо отважных советских полярников, высадившихся на Северном полюсе, грозит опасность. Ледяной поле, на котором они начали свой дрейф, раскололся на несколько частей, и сравнительно небольшая льдина, где оказались лагерь героев, быстрым течением унесло по направлению к Датскому проливу, отдаляющему Исландию от Гренландии.

Советским правительством были приняты экстренные меры по созданию специальной экспедиции, которая должна была снять папанинцев с дрейфующей льдины и

балльный шторм. На море властвовала полярная ночь. Снежные заряды один за другим обрушились на подводную лодку. Воздух свободно гулял по ледяной палубе и застилался на мостике. Но это были только «цветочки». На стоянках испытания ждали нас вперед.

Шторм все ярчечал. Верхней вахте пришлось привезти бросательными концами и тумбы ледяного.

У Норднала повернули и Финляндию. Шторм продолжался. Ветер зашел вперед и стал дуть в борт. Резно увеличилась ярность. Видимость не уменьшалась ни

определить свое место. Оно оказалась на радиостанции. Когда шторм утих и видимость улучшилась, стало ясно, что мы вышли из острова Ян-Мааян, на который и держала курс «Д-3».

Ночью получили радостную весть с борта «Мурман»: — Вместе с «Таймыром» находимся у мромия излучинного льда. Впереди по носу видны зарики от ледокольного папанинцев сигнального бонюна. С рассветом будем продвигаться и лагерю.

А вскоре поступила радиопрограмма из радиодцентра флота: «Валентины» за отвлечению выполненную задачу по обеспечению экспедиции безвредной связью. Возвращайтесь на базу. Меману счастливого плаванья. Иомандующий флотом Душечкин.

Перед «Д-3» не ставилась задача снять папанинцев. От нее только требовалось обеспечить своей мощной станцией связь между кораб-

28 ИЮЛЯ

СТРАНА

ОТМЕЧАЕТ

ДЕНЬ

ВОЕННО-МОРСКОГО

ФЛОТА СССР

Папанинская эпопея... Подводная лодка «Д-3» вышла в Северный Ледовитый океан.

доставить их на «Большую землю». В состав экспедиции были выделены корабли, самолеты, дирижабли, а также подводные лодки Северного флота «Д-3», «Щ-402», «Щ-404».

5 февраля из Иольского залива вышла подводная лодка «Д-3» (Иррасноввардеец). Как флагманский штормовый бригады, я шел на ней. Командовал подводной лодкой ветеран Северного флота Виктор Николаевич Котельников.

Еще при выходе из Иольского залива нас встретил добрый штиль. Поны мы шли к Нордналу, он перешел в девяти-

ночью, ни в короткие дневные сумерки. Весь путь шли вслепую. Лишь изредка в разрывах облаков на короткой промолотку времени мелькали звезды. 8 февраля установилась связь с ледокольными судами «Таймыр» и «Мурман».

С началом дня «Д-3» все ближе и ближе подходила к льдине. 13 февраля, встретив на стремительную иачку и наличие резких разрывов облаков, штормовый сумели «попятать» несколько звезд и

лами, авиацией и «Большой землей». Но все-таки в гаюние дни все надеялись первыми добраться до лагеря полярников. Да, на этот раз тринадцатое число оправдало свое название «чертова дюжина»: нам не повезло.

По радио мы тепло попрощались с моряками «Мурман» и «Таймыр». Передач приняты поощрительная полоса, «Д-3» легла на обратный курс и направилась на свою базу.

ЭТА ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ДАТА СОВПАДАЕТ С 30-ЛЕТИЕМ СОЗДАНИЯ СЕВЕРНОГО ФЛОТА. О НЕКОТОРЫХ СТРАНИЦАХ ЖИЗНИ СЕВЕРНОГО ФЛОТА И РАССКАЗЫВАЮТ НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ, НАВСЕГДА ВОШЕДШИХ В ЕГО ИСТОРИЮ.

Контр-адмирал И. А. КОЛЫШКИН,
Герой Советского Союза

ЗА РОДИНУ!

Вечер 21 июня 1941 года выдался безветренным и теплым. Незаходящее солнце тускло отражалось в зарпале воды. Среди тишины в открытое оно вырвалось отдаленное звучан мурманских разговоров, резные удары по мячу.

И вдруг из-за скалистого гребня черной птицы выскочил необычный самолет. До слуха донесло неронно прерывающийся гул

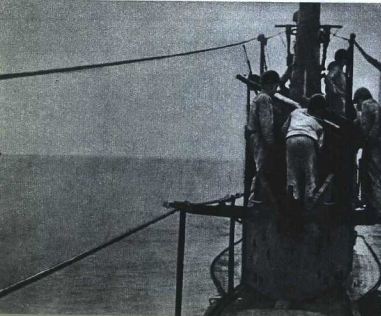
Великая Отечественная война... Подводная лодка Северного флота артиллерийским омен добывает только что торпедированный вражеский корабль.

моторов. В тот же миг темело ударили зенитки. Ватными нонами поднялся густой купол неба.

Ночью все стало ясно. Без объявления войны немецкие вероломно напали на нашу Родину. Подводные лодки покинули базу и рассредоточились по укромным бухточкам залива. Вечером 22 июня «Щ-401» и «Щ-421», входившие в дивизион, которому я тогда командовал, первыми вышли на боевые задания. Вслед за ними вышли остальные подводные лодки бригады.

Вспомню счастливый вечер, когда советский счет подводной-североморцев был открыт подводной лодкой «Щ-402» под командованием старшего лейтенанта Стобова. Вечером 14 июня лодка проникла в гавань Хонингской Восточной командир лейтенант Семенов обнаружил в порту транспортный корабль, в котором было несколько тысяч тонн, стоявший на яноре. Охранение не было. Лодка произвела двухторпедный залп из носовых аппаратов. Обе торпеды попали в цель.

Атака не отличалась сложностью, но это был первый боевой поход «Щ-402» и первый бое-

НА СТРАЖЕ ЗАПОЛЯРЬЯ

Многие годы прошли со времени окончания Великой Отечественной войны. Северный флот стал несравненно могущественнее. В его составе мощные ракетные крейсера, быстроходные ракетные катера, стреляющие самолеты-ракетосы. Но по-прежнему главной силой флота остаются подводные лодки, когда их выдвигают в море.

Подводные атомодвижки способны в минимальное время скрытно проплыть огромные расстояния. Они могут из любой точки мирового океана заносить из-под воды сократительные ракетно-ядерные удары. Поручу этому — учения, которые мы не раз проводили.

Наши атомодвижки стали подлинными хозяевами глубин. Выйти хотя бы плавание и Северному полюсу. Это был обычный поход в высокие широты. С огромной скоростью мы шли под ледовым куполом полярного бассейна. В отсехах моряки проводили тренировки и занятия, отходили, аваселись и даже принимали душ. Только приборы показывали: над нами лед.

На зрители телевизора то и дело мелькала освещенность, будто от пробегающих туч. Это происходили льдины. А в лодке по-прежнему было светло: лампы дневного света, светлый кондиционированный воздух застилали палубы.

После того, как обнаружили подходящую полынью в районе Северного полюса, аваселись. Командир отдала верхний рубочный лок, и через несколько минут потопило холодного воздуха.

Вышли на мостик. Проследовало, насколько видна гора, простиралась сверкающая на солнце белая пустыня. Лишь ледяные глыбы торосов разобобрали пейзаж. Ин зрелище, ни малейших признаков — вокруг царил белез безмолвие.

Один за другим сплутались мы на лед. Среди торосов установились юнцовый флот наших Родины. Сфотографировались. Нашлись среди моряков и любители походить на лыжах.

Но учение продолжалось: нужно было выполнить поставленные на рублю задачи. Поэтому, передав радиogramму, погрузились на глубину и дали ход.

Стратегический корабль безостановочно курсировал в глубинах Северного Ледовитого океана. И снова, словно тучи, пронеслись над нами ледяные поля.

Плавание наших атомных подводных лодок в высоких широтах и на большой удаленности от баз наглядно показывают, что наши корабли могут успешно действовать в любых природных условиях. Они надежно оберегают мир и счастье всех народов Земли.

вой успех, который воодушевил всех подводников.

За время войны мне не раз доводилось участвовать в походах подводных лодок. Одним из наиболее ярких был поход полярным «М-172» в августе 1941 года в бухту Петсамо.

Когда лодка пришла в назначенный район, вражеский транспорт там не оказался. Я посоветовал командиру — старшему лейтенанту Фасионову, который впервые командовал лодкой, провратиться в порт Яниксавари.

И поутру 21 августа «М-172» пошла под водой и губе Петсамо-Фуокко. Пробравшись в губу, бухты, мы дважды раскочились со сторожевыми кораблями, являющимися наблюдательным постом.

Наонец после двухчасового скрытного перехода обнаружился в принале огромный транспорт. Выстрелили одной торпедой и сразу же пошли и выходу на губу. Спустили мину и разорвался глухой взрыв.

Видя один корабль, пошел ко дну. Пока вражеские сторожевые катера яростно бомбили залив, лодка, снова миновав два стороже-

вых корабли, быстро уходила из ложа врага.

После аваселения из похода на «М-172» пришли гостиные у моряков английские офицеры-подводники. Командир английской лодки попросил показать карту гавани Яниксавари с боевой прокладкой. Он долго прищипывал из мерителя всевозможные варианты атаек. Наконец оторвался от нее, горячо пожелав Фасионову и экипажу: «Эту карту я оставил бы в равную и повесил в своей каюте».

В период войны мне пришлось участвовать в потоплении 9 кораблей противника. Много раз приходилось быть в трудных походах, под бомбежками. Но больше всего мне запомнился поход на «Д-3», один из лучших лодок бригады.

5 декабря 1941 года в поисках вражеских кораблей мы «залезли» в Горсангс-Фьорд.

И как только в перископ. По неурочной поверхности моря двинулся немая; транспорт водометными 10 тонн топи в сопровождении залп сторожевых.

Быстро вышли в атаку. Произвели залп. Одна из выпущенных тор-

пед попала в транспорт, и он начал тонуть. Чтобы ускорить его гибель, начали разворот для повторной атаки. Но тут снежный заряд закрыл транспорт. Когда снят штиль, омоло корабль на бы-ло сторожевиком. Гитлеровцы «использовали» обстановку и, бросив транспорт, поспешили скрыться.

К концу первого года войны подводная лодка потопила 8 транспортных противника и имела самый большой боевой счет. 17 января 1942 года «Д-3» первой в бригаде была награждена орденом Красного Знамени. А уже 4 апреля команда Краснознаменной лодки была удостоена геральдического звания. На бело-голубом полотнище под изображением ордена Красного Знамени появилась черно-оранжевая лента — символ морской гвардии.

Многие славные делаки подводники совершили североморцы. За время войны они потопили 244 корабля противника, за что бригада подводных лодок Северного флота и была награждена орденом Красного Знамени и орденом Ушакова.

МЫ ИЗ СТАРАЯ МОЛОДЫХ

Н. РУДИН

Ода давай и прочитай стихотворение молодого, мало кому известного юноревского поэта. Начинается он так:

Нак много хорошего нами увидено
Глазами Евгения
Глазами Утенина!

Автор стихотворения рассказывает, как не просто ему писать стихи. Нет, не так, как у Босниа, не так, как у Утенина:

Черная, ключу гитары
Кручу себе гексаметр
Бормочу, нем фанфар.
И очень хочу,
Ног-д-ни-бу-ды чтоб мои ми глазами
люди
взглянули на мир!

(Выделено мной. — Н. Р.)

И верно, не пропадет, не затеряется приличный талант этого поэта. Он должен быть упорным. Жадным к жизни, к людям, с которыми честно делит работу, хлеб, любовь.

Совсем недавно один молодой прозаик, наполнив мне афоризм Шоу, смысл которого был в том, что «самые нежесткие люди — это писатели», добродушно признался, что Шоу прав. — Я тоже ничего не читаю, — весело говорил прозаик. — И много писатели так. Пока не читаешь, все кажется: вот она, жизнь, ты ее увидишь, ты ищешь и рассказываешь о ней! А как ты теперь переосмыслишь чужие строчки, начнешь выискивать во все, что создано до тебя, то окажется, что все твои любимейшие темы уже <до

косточке обглоданы» и преподнесены людям древними греками. А может, быть, и раньше...

Мы хотим верить, что молодой поэт не оставил своей мечты, чтоб ее о глазами «когда-нибудь люди взглянули на мир». Говорят, он сейчас где-то в отряде геологов. Ближе к жизни, а значит, ближе к осуществлению мечты. Это не только его мечта. Молодые писатели берут читателя «за душу» честным, шаржатым взглядом на жизнь, они ищут и находят героев — своего современника — и этим привлекают его к себе, заставляют склоняться над и к книгам, судьбой и к героям.

Молодежь на ходу принимает эстафету от рук старшего поколения литераторов — права «на взрослых», и теперь даже самым опытным «вожкам» — критикам — затрудняются приписать Чингиза Айтматова, Юрия Казакова, Георгия Семенова к так называемой «литературной молодежи». И то, что молодой по возрасту киргизский писатель Чингиз Айтматов, автор изумительной по чистоте «Джамшида», сдержанных, но волнующих повестей «Тополек мой, в красной косынке», «Первый учитель», «Верлиожинский глаз», был удостоен в этом году самой высокой и почетной в нашей стране премии — Ленинской, говорит о большом внимании партии к молодым писательским силам, о ее вере в них. Ленинская премия... Ее получили в этом году и старший наш поэт С. Маршак, который, наверно, годится Ч. Айтматову в дедушка, и Раиса Галазтов, который по возрасту мог бы стать Чингизу отцом. Дед, отец, сын — вот она, преемственность поколений, питающих руку об руку, дождь к дождю, словно спящих одним стремлением — отдавать своей талант, все самое дорогое для счастья народа.

В докладе товарища Л. Ф. Ильячева на юбилейном Пленуме ЦК КПСС говорится: «Давно и хорошо сказано: «Береги честь смолоду». Смолоду надо всемерно укреплять, развивать лучшие черты нового человека, воспитанные в поколениях революционеров нашей ленинской партии. Мы должны свято хранить революционные и трудовые традиции нашего народа, и начинать на этих традициях молодые поколения строителей коммунизма».

И большая часть молодых писателей иерта этих традиций.

Тему прошедшей войны разработывает в своей первой книге молодой прозаик Анатолий Приставкин. Книга называется скромно — «Маленькие рассказы». Многие из них уже полюбилась читателями журналов «Смена», «Молодая гвардия» и «Юность», несколько лет назад «открыли» нам этого автора.

А. Приставкин рассказывает о своем современном, детстве которого извела война. Его «отрадные» были детские поля «Прадлы», и строки, написанные детской рукой, замирали в строки Соинформбюро. Герои Приставкина — честные и наивные, веселые и добрые ребята. Автор сам здоров, но он хорошо помнит своих друзей и приятелей на детских играх, и эта доброта дождя у него на сердце, он понимает их, отсюда законность, закономерность сюжетов «Маленьких рассказов», их почти поэтическая simplicity. Многие рассказы А. Приставкина похожи на стихотворения в прозе, в которых за незначительным на первый взгляд сюжетом вырисовывается четкая и большая по своей обобщающей силе мысль.

Герои А. Приставкина подрастают. Становятся самостоятельными. И не случайно продолжение биографии поколения, спасенного нашим народом в огне войны, биография молодежи идет дальше, автор переносит на просторы Братска, Сибиря, на дальние земли Казахстана.

В рассказах А. Приставкина чувствуется не только умение отобразить факт, конкретизирующий явление жизни, но и живое тяготение к более широкому обобщению того, что уже произошло за свою молодую жизнь. Трудно сказать, когда он породил нас новой повестью, но в то, что это будет нечто большее, чем «Маленькие рассказы», можно верить: А. Приставкин — талантливый, «высокоростный», очень трудный и вдумчивый прозаик, со своим, своеобразным взглядом на мир, с той особой простотой и легкостью языка, которая достигается внимательной работой над текстом и является без «божьей искры», заложеной в писателя природой.

Читатель воздает должное Анатолию Приставкину за тот своеобразный и близкий сердцу современника мир, который увиден автором и щедро «открыл» всем, кто берет в свои руки «Маленькие рассказы».

Мне кажется очень интересной и нужной сегодняшнему дню повесть Леонида Жуковича «И сын твои, Москва», опубликованная в журнале «Молодая гвардия» (№ 4, 1963 год). На первый взгляд сюжет ее тем, которые стали в последние годы «бродячими»: молодой специалист, москвич, уезжает на периферию. Там он видит недостатки и начинает с ними бороться. Но в этом и является без «божьей искры» осталась любимая девушка, не захотевшая расставаться с московской пропиской, то... читатель правдой рукой: хватят-хватят, все ясно, читал. Этот «условный», надувающий явной случай и признает: читать, и для того, чтобы лишний раз доказать, что современную прозу нельзя пересказать по сюжетным схемам. Ее надо читать. Это не детство. Но «Граф Монте-Кристо». Это наша русская кровь, заросшая на психологических путях Ф. Достоевского, Л. Толстого, М. Шолохова. Углубление в характер героя, подробный анализ его мыслей, чувств, убеждений, и не замысловатый сюжет привлекают в прозе наших дней читателя.

Герой повести Л. Жуковича — журналист, только что окончивший МГУ. Он начинает работать в районной газете. Журналист вместе со всеми переживает и непереносимую сельскую ханду, и международные события, и борьбу партии за чистоту нашей литературы, против модернизма, формализма, натурализма. В газете борьба за партийность, принципиальность, честность чувствуется особенно остро. И Выходит... — герой повести Л. Жуковича — со всей его горячностью и прямотой идет на конфликт с по-

вним редакторам Петуховым. Нет, это не вариант фантастики «отцов и детей», случившегося в последнее время некоторой частью критики. Это открытая борьба нашего молодого поколения, воспитанного на лучших примерах революционного прошлого и нашего настоящего, оживленной XX и XXII съездами Коммунистической партии, с теми, кто, внешне являясь приспосаблившимся к главным вопросам сегодняшней жизни, внутренне остается чуждым, асоциальным. Начальник Виктор — Андрей Платонович — понимает, что Виктор прав, но сохраняет «нейтралитет». Автор застаёт Андрея Платоновича в трудный момент разрыва отношений с дочкой, ищет союзников в пришедшем на релаксацию И. Думдметов, а в нужном моменте он поддерживает Виктора.

А пока Виктор Кожкина поддерживает Москва. Трудно удерживать любовь и критиковать (частично) последнюю главу повести «Виктор говорит с Москвой».

«Вот я и прощаюсь с тобой, Москва, скоро на работу. Ты по-почтучно спишешь... В общем-то садовод, а ты после первой же неудачи прибежал к тебе, как побитый мальчишка к матери. Но это в последний раз — спасибо за науку, Москва. Мои вранья это не твои — спасибо».

Можно спросить: а кто же спит с Виктором, если карьерист грязными губами мускает чистые слова... значит, я не смог отстоять их. И если люди не верят правде, — значит, я не смог убедить их. И если улитинские яйца не прячутся от работы на твоём спишке... спрашивай за это с меня, Москва...

...А я буду думать. Но ведь это так важно, Москва. Важно, что ты можешь мне верить. Конечно, хочется, чтобы Андрей обо мне думал, но он не хочет и не понимает, потому что я сын твоей Москвы. Я прав твою правдой. Я силен твоєю силой. Твоя кура у меня на плече».

Одно из главных достоинств повести, на мой взгляд, это полное отсутствие беспомощности, бедности героев, той самой «инфантильности», которую зачастую так легко найти в произведениях молодых авторов.

Трудно же сказать, насколько измен нашав разномыслиющих с названным групп писателей выбрать те, которые особенно выделяются своим и видением мира. Хорошо «поставляя глаза» у Глеба Горьшина. Некоторые его слова и мысли можно считать за провиденциальное безвозной мере. Он видит подробно все ее детали. Вещь большой и малый мир открыт Г. Горьшину. Но он не безогляд. Это сочетание любви и любовничества (в самом хорошем смысле этого слова) и природы и человека в ней, среда вне, есть одна из черт продолжающая славных традиций нашей отечественной прозы, прозы Тургенева, Льва Толстого, Бунина.

Совсем недавно вышла первая книга молодого писателя Андрея Битова, «Большой шар», которая она с интересом: язык автора емкий, образный, ритм динамичный. Но часто за его «чуждым» разставленным словами чувствуется «как-то пусто». Слишком это «близко к реальности» — фальшивый «ощущение», которое заглядывая с боков — там же кипит жизнь в один ряд, надаян на стег — и рухнет. В общем, жить можно, но не стоит...

О трудностях, которые испытывает в начале своего пути писатель Виктор, автор повести «Скромное признание» Союз писателей СССР Константин Федин:

«В чем же эти трудности состоят? Отмечу борьбу между чувственным познанием мира и осмыслением действительности. Борьбу между борьбой за художественное выражение и форму, волеводств. Должен сказать, однако, что для молодого художника эти трудности обычно мешают. Потому что борясь за овладение формой выдвигаются на первый план... Пара парных действий исполнения заданности таких поисков. Иногда они захватывают дебошата, как проклята... Умение, искусство в первичном смысле, является настоящим искусством и нечет граница впадает в ступор».

А. Битов, овладев формой, правды, на мой взгляд, несколько манерной (рассказы «Одна страна», «Фиг», «Жены нет дома»), только еще приступает к тому философскому осмыслению действительности, без которого невозможно рост писателя. Рассказы «Счастливая жизнь», «Видеть его героя о том, что нельзя быть «счастливым» по

отношению к коллективу, к миру, приближает А. Битова к тому, что называется настоящей литературой. И когда начинается у автора эти самонаблюдения на себя, то это происходит с какой-то «душа» форма облетает, как шелуха. И доказательство тому — рассказ «Большой шар». Его героя — рымелкая Толя, Илья Патрикеевич, ищет Подлинный веролом, где проводится огромная часть повести. Читатель наблюдает: «Дерь... открыла полная, дряблая женщина, и не старая и удивительно белая. Все у нее было вшив: и плечи и фигура. Капалось, она «человек из плоти и крови»... Автор не оставляет опущения полноты слияния с его героями, с их жизнью. На все смотрящих со стороны и все время ждешь, что еще «подождеет мир...» и т. д. Именно поэтому, когда читатель включает читателя сразу, когда он раскрывает книгу Чингиза Айтматова или Виктора Кожкина, Анатолия Приставкина или Глеба Горьшина.

Это придает, если Андрей Битов больше будет думать не только над тем, как в «подает» тот или иной факт, но и то что говорит этот факт, что не так, автор идет за этим фактом.

Он также, в отличие от писателя молодого поколения, Глеба Горьшинева. Он был написан роман «В неспадальном мальчишеском лете, «Заниска чевиста Вратченко», «Признаю себя виновным» и другие, но наибольшую «интересность» составляет рассказ «Хочу верить». Она заслужила одобрение читателей не только потому, что увлекательно написана. Автор умело владеет сюжетом, вовремя останавливает одно событие, тогда рассказывает о другом, и т. д. Повесть пронизывает страстной идеей: молодость верит своим отцам, старшему поколению, и она не обманется в своей вере. Вот такое сочетание светлой идеи и увлекательного Горьшинева действия «Хочу верить». Она заслужила одобрение читателей не только потому, что увлекательно написана. Автор умело владеет сюжетом, вовремя останавливает одно событие, тогда рассказывает о другом, и т. д. Повесть пронизывает страстной идеей: молодость верит своим отцам, старшему поколению, и она не обманется в своей вере. Вот такое сочетание светлой идеи и увлекательного Горьшинева действия «Хочу верить».

Но тут требовательного читателя жалко разочаровать. В издательстве «Армения» в 1962 году вышла в свет новая книга И. Голосовского, в ней две повести: «Хочу верить» и «Алмай камень». И то, что в первой повести было неудачно, но почти невинно, во второй повести было удачно, произносящейся в большой идее, произносящейся все произведение, в «Алмай камень» ядро вышло на передний план, пришло больше, уродливое формы.

Вздувшись, что прилетит из «Хочу верить» у автора чувствовалась какая-то успешности, невнимательности к людям, и психологическим портретам героев его книги. Это сказывается на том, что запомнилось, начиная с собой сюжет, а действующее лицо оставалось следыми, безликими. Волновое описать больше сюжет, чем людские судьбы. Но в достоверности этого сюжета не было сомнения, а публицистическая заостренность повести дала и повод называнию художественной литературы.

Во второй повести автор взял строгий идей рассуждений о том, что «Алмай камень» — это камень. Будучи прахидом острее, прочел — «Брак «алого камня», несомненно, вальгеричен. Он не может принадлежать людям. Каждый должен сам найти его для себя... «Матвей» и Глеба Горьшинева своей «Алмай камень» и Натана. Наилоте ли вы?...» Длиннее уми заранее придуманной схемой выкладывают из повести «Алмай камень». Эффектно горит теплота, obviously списана с детства, Егор Глеба Горьшинева, Натана и Матвей Строганову, только сгоревшему на телодоме. Не менее потрясающая и самоотверженная любовь Горьшинева. Сладкая, медвещанским словами «эризовывается Автор поступки своих житей».

О любви Горьшинева И. Голосовский пишет так: «Горьшину исполнилось двадцать шесть лет. Наташа открыла перед ним целый мир, который надого заслонил все, чем он жил до сих пор...». Обидная же, он захватывает острее, тогда как Наташа сама опущения счастья. Его руки ведь держали теплоту ее тела. Он называл ее:

«... Моя дорогая лада! Ладушка! Девочка моя...» Конечно, не вступит, а молча, про себя. В Селух прозвонит слова ее слова было и возможно же...» (Выделено мной.— Н. Р.)

Но то, что невозможно было, по мнению автора, произошло в силу его героя, то, видимо, много и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала: — Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

«... Моя дорогая ладушка, лада... Умилка моя... В Селух прозвонит эти слова было и автор читатель в начале своей «интересности» «настроит» читателя и утвердит в них веру в необыкновенную любовь Горьшинева, И. Голосовский через двадцать страниц повторит любовничества с ней, влюбленной. «Он» — бегим, и спускаем библию... «Велю...» говорил так тихо, что она не слышала:

ЮМ В

Этот гигантский ствол — ствол-защитник. Им мановит из штабеля обезвращенную пелю.

— Но ведь уже прошло семь. Чего же ждуть?
— Самых неблагоприятных условий. На то и опыты.

10 часов 08 минут.

Желто-алые пламя пламени слились в сплошной море огня. Отверное море штурмует.

С треском взлетает красная ракета. И, заглушая этот треск, гремит гоним РПГ.
— Присутствует к тушению. Вести в зону таяния.

10 часов 09 минут.

Иза бугра вырывается две огромные серебристые машины. Стальной куб, установленный на базе легендарной «тридцатьчетверки», наполнен тридцатью тоннами огнегасящей мидности. На востиге дна человека в снайперах. Слово маршале на площадке фантастического аппарата.

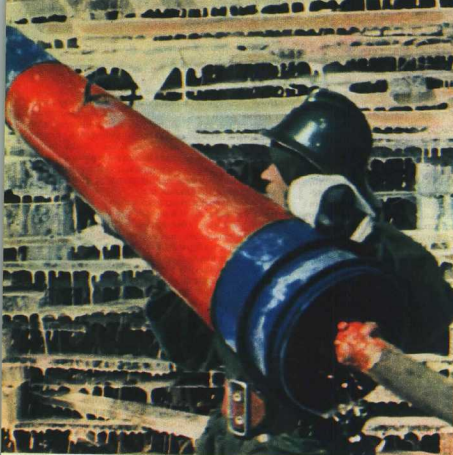
А у берега Бенис уже ошартовался пожарный катер. Струи его мощных ладетных стволов легко достанут до огневого месса. Почему же катер не начинает атаку? А потому, что при больших пожарах применение стволов, подающих воду на многие десятки мет-

вencionные потоки поднимут его вверх, разнесут по все стороны горящие доски. Страшен этот разлет. Во время пожара на арктической лесовозной — это было еще в предвоенные годы — огонь переносился на расстояние свыше километра. И там, где падали горящие головешки, возникали все новые и новые очаги пожара.

10 часов 07 минут.

Штабель продолжает «дышать». — Через сколько минут может начаться разлет? — спрашивают у М. В. Названова, сотрудника Центрального научно-исследовательского института противопожарной обороны.

— Еще не скоро. А при нынешней технике и организации тушения пожаров борьба с огнем может быть начата на четвертой-пятой минуте.

Бор. СЕМЕНОВ,
специальный корреспондент
«Семени»

10 часов 00 минут.

Ну и жар! Ртутный столбик хоть и не появился выше двадцати двух, но все равно это очень много, если ты одет в ватные брюки и куртку, поверх которых брезантовый плащ; если голова спрятана в капюшон да еще прикрывается каской, если на ногах толстые шерстяные носки и резиновые сапоги.

Высоко в небе рвется зеленая ракета.
Громкоговорителям разносит голос руководителя тушения пожара (РПГ):

— Начать опыты!
За хвостом и коварный мороз люди окрестили огонь «красным петухом». Он внезапно подпрыгивает и твоему дому и к нефтяным скважинам, и заводским цехам и к лесным бирмам. Лесная бирма — это гигантский склад лесоматериалов, сложенных в штабеля, которые образуют группы. Та в свою очередь — кварталы. А кварталы, разделенные разрывами-улицами, — город, раскинувшийся на многие десятки, а то и сотни гектаров.

10 часов 01 минута.

Я стою около одного из штабелей десятиметровой высоты. Только что человек с факелом повернул пучок сухого сена. Пока еще безобидные грабли «красного петуха» — можно тут же затоптать сапогами — лижут и илюют свою дощатую плиту.

10 часов 05 минут.

Еще три минуты назад вертушки-флюгеры, установленные на полигоне, фиксировали штиль. Сейчас они в бешеном беге: возникли конвекционные потоки. Так всегда бывает при больших пожарах. В его эпицентре создается тяга, в него подсасывающая воздух с краев подсаживающая охапка.

Отчетный сверчок взметнулся до самого неба. С контрольно-измерительного пункта, приборы которого связаны с термометрами, расположенными в самом центре, доложили:

— Температура тысяча градусов.

10 часов 06 минут.

Теперь в мажорных метрах в семидесяти от штабелей: из-за жары бегие не лодыжи. Фотоаппараты спрятаны под плащ, может показаться пленка. На лишь слушать телеотражающую сеть.
Штабель «дышит». Вот-вот кон-

МЕНЯ

ров, не очень-то эффективно. И все-таки то, что, попадая в зону огня, но еще не достигнув его очага, вода испаряется. Секрет победы над огнем состоит в том, чтобы поранить его с максимально близкого расстояния.

10 часов 10 минут.

Водной смерч вырвался из ладного ствола, установленного за экраном на башне танка. Почти на скорости, машина вплотную подошла к огню. В клубы пара уже не различимы люди. Серебристые теплоотражающие экраны, выдерживающие сейчас огромную температуру, сливаются с белесыми косяками испаряющейся жидкости. Колеса встали на дыма словно лезвия лезвий. Начиная прорезать мощной ступей.

От катера, от автомашин, «еще-нибудь» район пожара, потянулись толстые рукава. На всех четырех углах квадрата уже установлены лафетные стволы, аэрозольные напалмовые минометы. Рядом с ними другие стволы — сосисы лезвия. Из них вырывается не струю — тонкий водяной диск. Слово щитом, этот диск принимает пожарных, замирающих рубки для завершения атаки.

Еще несколько минут назад пламя поднималось до самого неба (снимок сверху), а сейчас танки уже гасят последние очаги огня.

Современный пожарный — рыцарь в теплоотражающей кольчуге.

Прячась за таким щитом, я подхожу к огню, чтобы сделать снимки.

10 часов 14 минут.

У танка, который атакует огонь с юго-восточной стороны, дело спорится лучше. Он работает не водой — связывателем.

Вода плохо проникает в материал, потому что имеет весьма высокую степень поверхностного натяжения. Капельки воды довольно крупные. Связыватель нарушает крепость поверхностного натяжения, и водные капельки становятся меньше. Они уже способны растекаться по тонким, но большим по диаметру ирригаторам.

Под прицелом танков ствольницы проринули в «узнице» между квадратами.

10 часов 18 минут.

Такого ствола я еще никогда не видел. Более полутора метров длины, сантиметром двадцать пять в диаметре. Из ствола идет столб — пеня. Но ею не гасит пламя, а покрывают негаснущийся, но вот готовый вспыхнуть, штабеля. Так прикрывают доступ воздуха к деревам.

Температура в зоне пожара все еще очень высокая. Но огня уже не видно. Из десятков стволов добегают пожар.

10 часов 26 минут.

Вот и момент. Теперь разве что для ствольниц ствольницы подпадают штабеля.

Катер с мощными насосными установками, десанта автомобилей, пожарные танки, химические средства... Многие ученые заняты уже разработкой техники и тактики борьбы с огнем. На их вооружения физика химии, метеорология и кибернетика. Есть и «умные» приборы, которые мгновенно реагируют на появление огня и дыма. Их реакция всегда многообразна по формам и одинакова по существу: подать в очаг огнесгасляющие средства.

10 часов 30 минут.

Окончен опыт. Один из многих, что день за днем ведут бойцы огневой фронты.

Я авторство лично платком. Платок черный от сажи. Неподдающему стволу начальны управления пожарной охраны Красноярского края Дмитрий Михайлович Куликов. Хорошо бы взять у него интервью. Но чудно подходить с такой грозой — физиономией. Вспомню, а сам Куликов порядком постарелся.

Словом, Дмитрий Михайлович, как вы расцениваете проведенный эксперимент?

— Первое впечатление очень хорошее. Думаю, что новая тактика тушения пожаров на лесных пожарах, которую мы впервые сегодня испытывали, оправдала себя.

— В чем суть этой тактики? — В применении танков. Такая машина может прибыть на пожар буквально через две-три минуты. И тутчас начать действовать. И ее стволу не нужно тянуть рукава от противопожарных колодезев. Запас воды или пенообразующего вещества, нагнетаемого насосом под высоким давлением, или связывателя она несет на себе и выдвигает, может поранить огонь с наиболее эффективной дистанции, практически в упор арастреливать очаг пожара. Такие машины ведут борьбу с огнем, создают благоприятные условия для потугами всех других видов противопожарной техники.

— Как возникла идея новой тактики?

— Можно сказать, что она произошла появлением новой техники. Можно утверждать обратное. В свое очередь, тактика является толчком для создания техники. Словом, процесс этот взаимный. Словом, процесс этот взаимный. Словом, процесс этот взаимный. Словом, процесс этот взаимный. Словом, процесс этот взаимный. Словом, процесс этот взаимный.

Успех новой тактики определенно применен целый комплекс разработанных сотрудниками научно-исследовательского института противопожарной обороны в сотрудничестве с предприятиями работниками и с коллективами многих институтов Академии наук СССР. И в частности, в подтверждение это. И примеру на «танках» не могут быть забыты ствольницы, а буд теплоотражающие костюмы. Эти костюмы выдерживают очень высокую температуру. Сделаны они из особого типа хлопчатобумажной ткани, покрытой слоем алюминиевой фольги. Сюда же надо добавить и защитные средства и пенообразователь — огромный ствол, выстреливающий ствол, защищающий объект огневаштучной живности.

— Ствольницы так реагируют с собой робу. Штупит, светится. Здорово они придают массу «красиво» свету».

— Слово... Пока намидумо, кто прочтет этот репортаж, мне хочется салазависать: как бы пропой истинные «прежде чем бросить спичку, потуши ее».

КОЛОДЦЫ

Интервью первое

На листе бумаги сначала появляется фигура, напоминающая перевернутую чашку. С одной стороны к чашке пририсовывается длинная острая ручка, похожая на меч, с другой — некий стебелек. На конце стебелька ставится точка — глаз.

Вот и всё, — говорит мой собеседник член-корреспондент АН УССР Владимир Николаевич Никитин. — Портрет нашего рыцаря готов. Чашка — его панцирь, а это меч, с которым он не расстанется ни днем, ни ночью. И имя у него грозное — мечехвост. И хотя размерами наш герой со спичечной коробкой, он вызвал не поединки сотни ученых во многих странах мира.

— Биолог?
— Нет, физик. И, кажется, не должен являться. Загадка мечехвоста — одна из самых таинственных в наше время. А заключена она в оружии этого рыцаря. Как вы думаете, что здесь имеется в виду?

— Меч? Глаза. Две бисеринки на стебельке. Они обладают удивительной способностью уславлять контур, а если сказать по-ученому, уславлять кровавые контрасты фигуры. Черное на черном мечехвост видит так же хорошо, как черное на белом. Над тайной этого необыкновенного зрелища и бьются физики. Ведь если ее отгадают, в телевидении произойдет революция. И не только в телевидении. В таинной толще океанских вод научатся различать малейшие предметы. Для решения труднейшей задачи физики обратились к помощи биологов.

— А бывает и наоборот?
— Конечно. Биологам сейчас никак нельзя обходиться без физики или, скажем, механики.

Владимир Николаевич замолкает, несколько дней мне время пролетает незаметно, насколько важно заморозить момент, о котором он говорит. Затем продолжает:

— В разные времена разные науки праздновали свой триумф, вытравля-

ТАЙНА МЕЧЕХВОСТА

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С СОМНЕНИЯ

ДОСТАТОЧНО БЫЛО СОГНУТЬ ЛИСТ БУМАГИ...

ДВЕ ТЫСЯЧИ ОДЕРЖИМЫХ

ДАЕШЬ МЕЖВУЗОВСКУЮ ЛАБОРАТОРИЮ!..

лись, так сказать, вперед. Во времена Гауля и Гаусса это была математика, во времена Менделеева — химия. Сейчас же самые живые почки роста — там, где сопряжены две или несколько наук. Когда говорят о важнейших проблемах биологии — синтезе белка или загадке наследственности — это проблемы и биологии и химии. Стоит ли говорить, сколько наук обвизала своими успехами космонавтика! В наше время наиболее крупные и важные открытия происходят как раз на границах наук. Теперь вы понимаете, какую роль играет сейчас взаимобогащение знаниями людей разных профессий. Главным сейчас — возбуждать умы! Чем больше люди будут осваивать свое неве-

жество в смежных областях знаний, тем большую область наука отвоюет у фантастики. И теперь это взаимобогащение должно происходить не только на уровне ученых, но и на уровне студентов.

Я перестав бы пассивным слушателем и предлагаю сам:

— Есть медицинский институт. И есть механический институт! Пусть студенты с самого начала участвуют пограничным специальностям!

— Я думаю, — улыбается Владимир Николаевич, — что пока в этом нет необходимости. Пока достаточно и нашего клуба...

Я забыл вам представить Никитина. Он не только член-корреспондент,

профессор, известный физиолог, но один из руководителей харьковского УЧН — студенческого Клуба содружества наук, председателя первого его заседания.

— Здесь важно другое, — говорит Владимир Николаевич. — Важно, что студенты сами теперь познают: даже не стадии обучения нельзя ограничиваться овладением лишь своей профессией. Ведь клуб-то наш, кстати говоря, основан по их инициативе...

Интервью второе

Как вы думаете, с чего начинается жизнь нового клуба? С совещания на самом высоком уровне, директивных указаний, торжественных афиш, развешенных по городу? Может быть. Но тогда, видимо, КСН — самый неслонидный клуб. Ибо он начался с сомнения.

Намерения у вас хорошие, — сказали Грину Заведующий на одной организации, куда он обратился, — но у вас ничего не получится. У студентов на основные науки времени не хватает, а вы хотите, чтоб они еще и сумками изучали. Над, нет, не пойдут они на ваши заседания.

— Пойдут, — упрямо произнес Грин.

И при этом в общении до добродушное лицо Грина стало саркастичным.

Итак, не было никаких ответственных заседаний и директивных указаний. Просто студент-выпускник санитарно-гигиенического факультета Харьковского медицинского института Завельский задумался однажды над вопросами, имеющими непосредственное отношение к его профессии. Заведущая гитварка. Наверно, на заводах будущего она будет неотделима от красоты. Цвета и формы, которые радуют глаз, музыка вместо скрежета, торнадо или морской воздух в цехах... Итак, техническая эстетика. Студент-модель подумал, что ни техники, ни эстетики он, в сущности, не знает. И он ознакомился с книжечками и журнальчиками. Но уже через неделю панцирь думал: «Не зря ли я прочулся шесть лет в ин-

Сливы в корзине

Древняя легенда повествует, что некогда чешская королева обещала свою руку тому из трех рыцарей, кто первый решит следующую задачу: сколько слив в корзине, если половина всего содержимого и одну сливу она отдаст первому рыцарю, половину оставшихся и еще одну — второму и, наконец, третьему — половине оставшихся и три сливы и после этого корзина будет пустой!

Что длиннее!

В большую полуокружность вписано несколько полуокружностей меньшего радиуса. Что длиннее: одна большая полуокружность или сумма всех меньших?

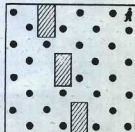
Сила прилива

Неподалеку от берега стоит корабль со спущенной на воду веревочной лестницей. В лестнице десять ступеней, расстояние между ступенями — 30 сантиметров.

Нижняя ступенька касается воды. Через сколько времени погрузится водной треть ступенька, если во время прилива вода прирывает на 15 сантиметров в час?

Путь садовника

На рисунке — план фруктового сада. Садовник обрабатывает все яблони подряд. Начав он с яблони, отмеченной условным значком, и обойдя одну за другой все яблони — занятые яблонями и свободные — ни разу не возвращается назад и не перепрыгивая через них. В заштригованных клетках садовник не был, так как там находится различные постройки. Попробуйте найти путь садовника!

ВЕТЕРОМ ПОСАЕ

ОАГОО...!

ститут? Ведь в равном счетом ничего не знаю! От окончательного неверия его спасли подобные же мысли его друзей. Так в маленькой Гриншиной комнате зародился идеал клуба студентов разных институтов. После этого и состоялся его разговор с составившими людьми.

— Ну, а дальше? — спрашиваю я. — А дальше было вот что. Я пошел в научную библиотеку и сел в вестибюле за столики вместе с деурной Рабочей с табличкой «Приветляйте читальские билеты!» — я поставил свою. Африхи по городу были уже потом, а пока я сразу согнул лист бумаги и написал: «Завис в студенческий клуб сотрудничества наук — здесь!» Если честно признаюсь, я и сам не совсем был уверен в успехе. Ученые, конечно я знавал, они-то охотно поддерживали нашу идею. А вот студентам... Приближалась сессия. Вдруг и правда что до смешных сейчас науки! С такими мыслями я подождал первого желаемого... Но вот случился то, чего я даже и предполагал. Прошло менее получаса — и уже можно было говорить о рождении клуба. Через час тихий вечер уже наполнял тепло. Здесь спорили, спорили, спорили... и здесь уже возникали какие-то фантастические проекты. Оказалось, достаточно было только согнуть лист бумаги и написать на нем несколько слов насчет сотрудничества наук, чтоб вызвать этот энтузиазм. И да сам я впервые в тот день понял, как необходимо студентам этот клуб, как интересен не вот эти смешные, казалось бы, вовсе не обязательные для них науки! Интересует настолько, что некоторые из записавшихся (я узнал об этом позднее) учились сразу в двух институтах или в двух факультетах университета.

— Скажите, в вашем клубе только студенты? — Нет, и это тоже, по-моему, заманательно. Ко мне подходят рабочие с тракторного, электромеханического заводов. Записываются сами и еще просят: «У меня дружок есть, его тоже эти науки интересуют...» — Сколько же человек записалось у вас!

— За пять дней, которые я провел в вестибюле Библиотеки, — больше тысяч.

Как это было

Эти две фразы можно было бы повторять как утробное «весь центр науки и весь ветвь науки». И то и другое верно. В Горный институт пришли: И. М. Лифшиц и академик АН УССР В. Г. Лазарев; молодой доктор физико-математических наук, лет восемь назад сам возглавлявший студенческое научное общество, И. И. Каганов; директор Пензенского института Н. К. Крупский, член-корреспондент АН УССР генетик И. М. Поляков, литературовед М. В. Черников... Всего на первое заседание клуба собралось семидесят харьковских ученых.

Заседание было назначено на семь часов. Ученые пришли к шести. Час отводился на кулуарную толкотню. У каждого на ладони лежала бы припрятенная его «житная карточка»: академии или профессорской, продолжение жизни. Или: ибернетика. Или: операции на сердце, и т. д. Кроме того, у каждого студента-медика было меньше всего, а если вы хотели найти студента-физика, их надо было искать где-нибудь среди физиологов или лингвистов.

На стенах висели плакаты: «Не стесняйтесь спрашивать!» и «Говори до конца!». Первый, вероятно, относился к студентам, второй — к профессорам. Впрочем, так было не всегда. «Вы знаете, с полной серьезностью сообщал мне потом известный онколог профессор Евгений Александрович Финемштейн, — я со своим винтом-детектоскопом коих на лицах «лучу» понимаю физику».

Пригласительный билет на вечер КСН нежно обещал деурной книги менями между учеными и студентами. И, конечно же, при разговоре Евгения Александровича со студентами Харьковского университета покой Саянроу закончит достигнутого относится скорее к последней.

Ира учился сразу на двух факультетах университета: физико-математический и медицинский.

А когда «кулуарный час» кончился, началось первое заседание нового клуба.

Пожке в отчете писали: «За не тем выместит всех желающих». За этой стандартной фразой скрывалось вот что.

Большая аудитория Горного института рассидена на тысячу человек. Пришли две тысячи. Знали кому, сидели и стояли на подоконниках, были забиты все проходы, устраивались на ступеньках, ведущих к входу. Распознать настежь двери открывали вид на переполненный коридор... И это за две недели до сессии, когда, по уверениям скептиков, и на сто человек вряд ли можно было рассчитывать.

Вечер открыл Владимир Николаевич Никитин.

— Мне кажется, — сказал он, — что создание нашего клуба — явление символическое. Уже сегодня студент-медик, зная, что биолог может быть полноценным специалистом, если он не знаком с новейшими достижениями в области физики. Филологу требуются знания математической лингвистики, инженеру — техники эстетизма, музыканту — основы электроники...

Он посмотрел на переполненную аудиторию, аудиторию, о которой может мечтать любой профессор, и, улыбаясь, закончил:

«Впрочем, я думаю, вы понимаете это не хуже меня».

Доказал молодого ученого В. Б. Кириленко «открытые проблемы биологии, неразрешимые без физики» продолжил четыре часа. На перерывах никто не настаивал.

Организаторы вечера опасались, как бы первое заседание клуба не прервалось в скорую лекторий; веле пограничные вопросы науки, вообще-то говоря, не были знакомы студентам. Куда там! Первый же оппонент — студент-радиофизик — начал свое выступление так: «По-моему, в докладе нет ни одного верного положения». Физики смело вторгались в область биологии, биологи выказывали в физике гораздо больше знаний, чем могли от них ожидать.

Интересная деталь. Регламент контрольного не председатель, а была дружелюбная аудитория. Каждый выступавший — независимо, студент он или академик, — получал пять минут. Через четыре минуты на ибернетическом устройстве, установленном на кафедре, загоралась зеленая лампочка — предупреждение. Еще через минуту — красная. Если выступ-

ление оратора нравилось слушателям, по прошествии четверть часа в зале погасла лампочка. Если поднимались руки было большинство, красная лампочка так и не загоралась. Оратор получал в свое распоряжение еще пять минут. Во время выступления Илья Ильякович Лифшиц, который без снисхождения обрушивал на неподготовленного аудиторию громады малоизвестных, казалось бы, физических понятий, зеленая лампочка загоралась восемь раз.

Расходясь уже далеко за полночь.

Интервью третье, четвертое и пятое

Итак, первое заседание студенческого Клуба состоялось! Имя проšlo с триумфом. А затем было еще и еще. «Медиацита и ибернетика», «Иностранство и время», «Образы и формулы»... С каждой второй встречи студенты уносили убеждения, что все науки — братья и сестры.

В уставе клуба записано: «Главной задачей его является взаимное ознакомление студенческой молодежи нациями с проблемами и достижениями различных областей современной науки».

— Что ж, задача выполняется успешно.

— Ну, а дальше? Как вам представляется будущее клуба? — С таким вопросом я обратился к трюму.

Вот что ответил академик Борис Георгиевич Лазарев:

— Дискуссии в КСН весьма интересны. Клуб это — вообще вещь очень серьезная. Я думаю, что возможен такой случай, когда на его заседаниях будут не только освещаться, но и разрешаться многие пограничные вопросы.

Профессор Нина Павловна Татаренко, психиатр.

— После моей лекции по телефону ко мне подошли несколько студентов-физиков и предложили организовать группу по научному анализу методов физики. Это было отрадно слышать.

Анатолій Черкасков, студент-химик.

«Мальше хорошо было бы создать деурную научную лабораторию на общественных началах! Об этом мне у вас говорят».

Итак, о прогнанных знаний — к практическому их применению.

В добрый путь, КСН!

И. ГЛАН

Кроссворд

По горизонтали:

- Гора на Урале, 7. Научно-вычислительный институт.
- Духовый музыкальный инструмент.
- Университет, названный в честь народного певца.
- Музыкальный инструмент народов Кавказа и Средней Азии.
- Зодиакальное созвездие.
- Порт в устье Дона.
- Один из культурных центров Италии.
- Полуостров в южной Европе.
- Композитор XVIII века, один из преобразователей европейской оперы.
- Венесийский съездный трибунал.
- Литературное движение XIX века.
- Роман Жюль Верна.
- Четвертое имя мира по порядку.
- Единица измерения угля.

По вертикали:

- Репка, входящая в Венесийский залив.
- Куртис

Составил И. МАРКОВ (с Гордоница, Вологодской обл.).

- на художника-передвижника А. С. Суворова, 3. Морская гора, 5. Висия И. А. Кюппель, 6. Персонаж оперы И. М. Чайковского «Черный кот», 8. Единица измерения радиационности вещества, 9. Академик-математик, заслуженный профессор Ленинского университета, 10. Автор старого плаката.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 13

По горизонтали:

- Островградский.
- Европа.
- «Меланхолия».
- «Летопись».
- Угол.
- Неврава.
- Танкер.
- Летопись.
- Григорий.
- «Манчестер».
- Земля.
- Снежинка.
- Подорожник.
- Индустриальность.

По вертикали:

- Саратов.
- Ранс.
- А. Гольдзир.
- Аннора.
- Сула.
- Ирландия.
- Валенция.
- Землетрясение.
- Гагара.
- Клинеберг.
- Домингат.
- Талант.
- Д. Карпов.
- Имув.
- Ядро.

	7	8	9																								
	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	
16																											
19	20																										
23	24	25	26	27																							
28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55

КЛУБ ЮБИТЕЛЕЙ ШУТКИ

— Имеете кого-нибудь на полупредмет?
— Что вы! Мы здесь все свои...

— Вот вам — на чай...

— Сдавайся: конец работы!
Рисунки Д. БЕЛОВА.

— Вот вам на чай...
Рисунки Н. ЩЕРБАНОВА.

« РОДИМЫЕ ПЯТНА »

В дугу изогнута спина,
Готов почтительно присесть...
Причина этому — зидя:
Архипустынная лесть.

Он может говорить неделю,
Вышла в графинчике вода.
И дело вялеть — иногда...
На то и имя: Пустомеля.

Пустить слушн, сблгнуть
слово,
Плеснуть — попливи в лицо —
На все способна эта дама,
Поскольку совесть — ни
грамм!

Всю жизнь он волонте друт,
Все мянче пустым бумажным
брат.
Тяжеловесный, как сумачи,
Портфельносец-баронрат.

С трудом приномвлял и столбу
С сорногадрусной —
подружной —
Всмотрись — нагнско на
лбу;
Пьянчужнал

Прозвезел звонок. Закончилась уроки
в школе. Но много работы ждет учите-
ля русского языка и литературу Сергея
Юревича Ярославского и дома: надо
проверить тетрадки, подостоваться к
зачету в школьной литературной студи-
и, посмотреть лекции по эстетике и
искусству, с которыми предстоит выступить
на заводе... Дел много. А когда вде-
дается свободная минута и приходит
возвращение...

Квартира Сергея Юревича наполняет царство миниатюр. Вот шахматная

доска. Ее вес — всего полтора грамма, а
каждая фигурка — по 180 микрограмм!
Вот полтора-двухсантиметровые
скробаты, девушка-гимнастка с обру-
чем, спортсмены, народные герои... Их
многообразие, выразимым простым перо-
чинным ножом из кусочка дерева или
кости. Но каждая из миниатюр очаровывает
точностью, реализмом, изяществом.
Познакомьтесь с некоторыми работами
Ярославского ульяны Ярославского.
Это сатирические образы из серии «РО-
ДИМЫЕ ПЯТНА».

Первая страница обложки: 26 июля 1933 года на Кубе началась народная революция. Промедлите десять лет с революционной мучал и кровью революционный кубинский народ. «Революция делает людей прекрасными», — говорит Зетения дочь Бартомея Гарсия Франко, министром 1-го женского батальона имени Лидии Досе, ныне учащаяся Марксовского центральное училища, см. стр. 18-19. С судьбой революции, вы прочтите на стр. 18-19.

Фото В. МКШНА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартакоская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-10; очерки и публицистика — доб. 3-52; студийской молодежи — доб. 4-70; международное звонки — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-41; писем — доб. 2-33; музыки и техники — Е 7-65-82; информации — Е 7-65-62; оформления Е 7-51-32.

Главный редактор В. И. Самошкин.

Редакция: Ю. И. Вершино, Е. А. Долматовский, В. А. Ностров, В. А. Кочетов, Е. П. Кравский, Е. И. Рабчинко, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор И. Вудкина.

А 00138. Подписано и печатно 13/VI 1963 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1292
Знак № 1583. Формат бумаги 70x108/8.
2 б. л. — 5,49 п. л.

Ордене Ленина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды» 24.

ПЕСНИ ДЯВ ВСЕХ СЕРДЕЦ

А в 1962 году. Хельсинки — столица восьмого Всемирного фестиваля. На Олимпийский стадион вступают первые делегации. У каждой страны свои песни, своя мелодия: «Марсельезу» сменяет заигрывающая «пачанга», дробь сонатами Барабаса заглушают протяжные звуки народной норвежской песни... Визуально стадион разражается шквалом эпидемиозом: идет делегация Советского Союза.

«Хотят ли русские войны, спрсите вы у тишины...»

Стройный тысячелетний хор подхватывает песню, облетевшую весь мир.

...Вот письма. Их сотни. Они не укладываются на полках в специальных папках, трудой лежат на розлах. Разные конверты, разные почерки, но адресованы все они одному человеку — Эдуарду Колмановскому, автору популярных песен «Хотят ли русские войны» и «Я люблю тебя, жизнь».

Интересно, что в начале своей творческой деятельности Э. Колмановский не думал, что работа над песней займет столь важное место в его жизни. В 1946 году он окончил консерваторию по классу композиции у В. Я. Шабалина. Умеет тогда молодой композитор писать во всех жанрах, кроме песенного. Правда, как признается композитор, у него всегда была мечта написать песню для театра. И действительно, первая песня Колмановского была написана им к спектаклю МАХТА «Двенадцатая ночь». Это была «Лесенка Шута», которая, кстати сказать, пережила постановку. Интересно, что в этом спектакле впервые проявил себя как певец актер театра Владимир Трошин, исполнявший роль Шута. Перовое исполнение многих песен Колмановского связано теперь с именем В. Трошина.

Э. Колмановский много и успешно писал для театра. Обо всех этих работах на рассказываю. Но надо отметить одну характерную особенность его песен к спектаклям — впоследствии они живут самостоятельной жизнью.

Сейчас трудно было бы назвать точно тот день, когда мы впервые познакомились с композитором Колмановским — автором современной лирической песни. Пожалуй, знакомство началось с печально известной «Тишины», в свое время вопреки названию прозвучавшей довольно громко. Песня эта сразу же приобрела множество поклонников. Мягкие, задумчивые интонации, незабываемый, легко запоминающийся мотив сделали ее популярной. Правда, критика сразу же объявила песню войной, причислив ее к такими «перлдам», как «Мишка» и «Ландыши». И все же песня жила долго. В содружестве с автором слов поэтом В. Орловым Колмановский затем написал еще две песни, получившие широкую известность, — «Перекресток» и «Тихий дождик».

Год за годом перед слушателями постепенно вырисовывается облик лирического таланта. Ему верят, ждут новых песен. Происходит это, видимо, потому, что в каждой песне колмановского люди слышат доброе слово, будто с каждым в отдельности он разговаривает как сорочичий друг. Музыка его песен всегда неожиданная, непохожа ни на что ранее известное и всегда глубоко поэтичная...

Да, поэзия занимает в песне Колмановского очень большое место. Ведь песня не достигает цели, если слова ее тусклы и невыразительны. Эдуард Колмановский — один из тех мастеров, которые придают слову в песне огромное значение. Обостренное чувство слова, повышенный интерес к нему привели к очень плодотворному содружеству композитора с такими выдающимися поэтами, как Светлов, Долматовский, Ошенин, Ваншенкин и другие.

Сегодня, пожалуй, трудно переопределить популярность песни Э. Колмановского. Одна из самых популярных — «Я люблю тебя, жизнь». Где только не поют сейчас эту песню! Она вошла в наш

быт, вошла естественно, просто, стала необходимой. Мысли и чувства ее герой — это мысли и чувства каждого из нас. Сочетание лирической интимности и гражданской темы уже стало характерным для творчества композитора. В этой песне, как и где раньше, автор сблизился с тем, кто решает судьбу его песни. А последнее слово, как известно, всегда за народом. Сейчас трудно поверить, что сразу после появления на свет эта песня — своеобразный гимн жизни, труду и любви — была отвергнута издательствами. И тем не менее песня эпоха в народе. И как подтверждение этому два года назад мы узнали, что Юрий Гагарин считал ее одной из лучших...

И наконец, ставшая популярной во всем мире песня «Хотят ли русские войны». Песня отличалась от всех ранее написанных лирических ритмом, чеканным и выразительным мелодическим рисунком, яркими гармоническими красками и какой-то очень теплой, человеческой интонацией. В песне живет удивительно редкий сплав лирики и героики. Люди поют эту песню не только потому, что слова выдают у них патристическое чувство, стремление к миру, протест против войны. Музыка и слова здесь — одно целое. Повествование о войне и мире перетекает в песню борьбы, личные чувства и мысли автора

сливаются с настроением миллионов людей. Проникновенность музыки, ее поэтичность и гражданственность, истинно русская раскрепощенность и широта приносили песне заслуженный успех.

Эдуард Савельевич Колмановский продолжает писать песни, музыку для театра и радио, продолжает себя в киномузыке. Что его волнует как художника? К чему он стремится? Какой, по его мнению, должна быть современная песня?

Вот что ответил на эти вопросы композитор корреспонденту «Смена».

— Нашу жизнь богата разнообразными событиями. Человек велик в размахе своих дел, во всем богатстве своего душевного мира. Песня, как никакая другая жанр, дает возможность творческого общения с самыми широким кругом слушателей, возможность выразить их чувства и мысли. Народ помогает создавать песню, он же решает и ее дальнейшую судьбу. Настоящая жизнь песни в ее высоком смысле начинается тогда, когда песня находит отклик в сердце народа.

Песня должна быть прежде всего лирической. Я хочу написать песню на общечеловеческую тему, касающуюся всех. В ней должно чувствоваться индивидуальное бичение сердца.

Л. ПЕРАСИМОВА

БИ Р Ю С И Н К А

Слова Л. ОШАНИНА

Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО

До свиданья, белый город
С огоньками на весу!
Через степь, через горы
Мне на речку Бириюсу.
Только лоск сывет в трубы
Там сибирскую весну.
Только валет адеуробы
Там анагарскую оссу.

Привет:

Там, где речка, речка Бириюса,
Алая ала, шумит, поет на
голоса...
Там ждет меня таежная,
Тревожная краса...

Не березку, не осинку,
Не кедровку тайгу,
А девичью-бириюску
Покабьт я ви мочу.
С ружьемом уйдет под ветер,
Не выйдет четыре дня.
...Может, в лоск выстрел метна,
А ударя ои в меня.

Привет.

Пусть красина городские —
У нее глаза синие,
Городские не глаза,
Есан сердце тветт к ней...
Перед этим синим взором
Я, как парус на воле.
То ль ее ветри мне в город,
То ль в тайге остаюсь мне.

Привет:

Там, где речка, речка Бириюса,
Алая ала, шумит, поет на
голоса...
Там ждет меня таежная,
Тревожная краса...

Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО

Цена номера
20 коп.

Индекс 71391

Фото
Н. ВЕРИЧУКА

русский спорт. Еще недавно он значился у нас в зрительских рядах отстающих. Но вот в 1960 году из Рима шла радостная весть: рулевой Тельур Пинегин и гросс-Федор Штуров завоевали титул олимпийских чемпионов. С тех пор успехи советских яхтсменов стали обычным явлением.

Крутой водная гладь. Ветер надувает паруса, и вперед летят. Ветер может быть спокойным, ровным, может быть шквальным — все равно мы соревнуемся. Их задача — приспособиться к обстановке, использовать каждый шанс в борьбе с десками смелых и подготовленных соперников. Вы видите на среднем снимке, как мастерски мотогощник на крутом вираже, откинув в тело в сторону. Он почти лежит на воде, позволяя яхте развить максимальную скорость. А вы же так [см. снимок внизу справа]: перед самым виражем ветер пометает яхту, на которой укреплена весла. И в ход идут весла: надо во что бы то ни было закончить дистанцию!

И, парусный спорт — это отвага, это — искусство, этого добиваются упорнейшими тренировками, нестяжательная романтика!

